

Лариса Кириллина

Возвращение Улисса



"Хранительница": космоопера. Часть 8

Лариса Кириллина
Возвращение Улисса

«Автор»

2023

Кириллина Л. В.

Возвращение Улисса / Л. В. Кириллина — «Автор», 2023

«Возвращение Улисса» — восьмая часть космооперы «Хранительница», продолжение книги «Двойник». Пропавший без вести Улисс — клон покойного профессора Джеджидда — подает сигнал SOS с необитаемого острова. Юлия, Хранительница Тиатары, возвращает беглеца в цивилизованный мир, где он погружается в водоворот событий и страстей. Обложка — авторская работа: фото из личного архива и коллаж с использованием изображений, сгенерированных нейросетями

© Кириллина Л. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

SOS	5
Предыстория	9
Иссоа	11
Сокровища Ментора	17
На круги своя	22
Предложение	27
Вайвенна	32
Слава	36
Седьмое июля	41
Требования	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лариса Кириллина

Возвращение Улисса

SOS

Сигнал сработал ночью.

Нет, вокруг меня не выли сирены, не верещал назойливый зуммер, не гудел вибротон. Просто Сивилла, мой нынешний универсальный девайс, начала издавать условные звуки с определенной периодичностью. Посторонний мог бы принять их за мелодичную попевку будильника. Но натренированный слух Хранительницы даже сквозь сон опознал звукоформулу, означавшую: срочно встать и связаться со службой спасения.

«Julchen, was ist los?»... «Юльхен, в чем дело?» – пробормотал мой муж Карл-Макс, тоже крайне чувствительный к неурочным побудкам.

«Keine Ahnung», – ответила я. «Понятия не имею». Сейчас всё выясним.

Этот обмен нейтральными фразами на немецком помог мне включить мозги. Я взяла Сивиллу и бодро ответила на космолингве:

– Хранительница на связи.

– Говорит Джумар, дежурный офицер планетарной Службы спасения. Госпожа Хранительница, со спутника поступила странная информация, о которой я счел необходимым немедленно вам сообщить. Возможно, всего лишь сбой или случайное совпадение.

– Докладывайте, господин Джумар.

– Радиосигнал «SOS» оттуда, где никто не живет и не работает ни одна экспедиция. Море Сайял, острова близ мыса Маллур.

– Который из островов? Вайра? Сунна? Джурра? Или... Ойгон?

Джумар удивленно замолк, пораженный моими глубокими познаниями в тиаграфии. Да, Хранительнице, и к тому же директору Института истории Тиатары, полагается хорошо представлять себе мир, за которым она присматривает по поручению Межгалактического альянса. Но помнить названия всех мелких объектов далеко за пределами обитаемой зоны – это уже сродни извращению.

– Мой брат возглавлял экспедицию в эти места почти четыре года тому назад, – пояснила я. – Так вы назовете мне координаты сигнала, господин Джумар?

– Да, госпожа Хранительница. Это остров Ойгон. Как прикажете поступить?

– Будем действовать. Я сейчас перейду в кабинет и включу нормальные средства связи. Подождите пару минут, господин Джумар.

Карл, невольно услышавший наш разговор, тоже встал: «Юльхен, дело серьезное?» – «Да». – «Чем помочь?» – «Пока ничем. А, сварь мне, пожалуйста, кофе! Я еще плоховато соображаю». – «Ты?»...

Муж усмехнулся, накинул халат и пошел на кухню. Я быстро умылась, расчесала волосы, натянула первое платье, которое попало под руку – и переместилась поближе к технике. Межпланетная связь имела в моей резиденции в Институте, а дома – лишь планетарная, но ее в данном случае вполне достаточно.

Теперь Джумар не только слышал, но и видел меня. А я могла своими глазами изучить данные всех приборов, включая картинку местности и расшифровку сигнала со спутника.

Карл безмолвно поставил передо мной чашку крепкого черного кофе и удалился. Я не стала бы от него ничего скрывать, но решения полагается принимать самолично Хранительнице.

– Госпожа Хранительница, и каково ваше мнение? Сигнал повторяется, однако там подавать его некому. Может быть, всё же ошибка? После бури аппаратура порой сбивает.

– Нет, господин Джумар. Не ошибка. Слушайте мои приказания. Согласно праву, данному мне руководством Межгалактического альянса, я временно беру на себя обязанности куратора Тиатары. Служба спасения поступает под мой личный контроль.

– Приказывайте, госпожа куратор.

– Вам, господин Джумар, поручается немедленно подготовиться к чрезвычайной спасательной операции. Сейчас я оповещу об этом ваше начальство. Необходимо создать штаб, в который войдут...

Я методично перечислила всех, кого нужно было привлечь к работе. Два пилота, два медика, два спасателя с оружием и снаряжением, вспомогательный персонал: техники, которым предстоит подготовить к полету «Валгу» – мощное судно-универсал, способное развивать реактивную скорость, зависать над требуемой точкой, подобно флаеру, приземляться на неровную поверхность или садиться на воду и затем добираться своим ходом до берега. Больше того: в течение недолгого времени «Валга» может перемещаться и под водой. После экспедиции Виктора я настояла на приобретении двух подобных аппаратов-амфибий, «Валги» и «Веллы», хотя планетарный совет недоумевал, зачем такие безумные траты. «Но вы же сами хотели расширения обитаемой зоны планеты?» – спросила я. Без надежного средства спасения я не дам согласия на далекие экспедиции, из которых есть риск не вернуться. Обычные флаеры неспособны делать то, что умеет «Валга». Убедила: заказ был оплачен.

– И еще, господин Джумар. Вылет – по возможности срочно. В экипаж я включаю своего брата Виктора Цветанова-Флорес. Он хорошо знает местность и имеет квалификацию гида-спасателя.

– Слушаюсь, госпожа куратор.

– Прервемся на переговоры с другими участниками. За вами – сбор экипажа, за мной – обеспечение срочного взлета «Валги».

– Понял вас. Исполняю приказ.

Выключив голосовую связь с дежурным, но оставив изображение на мониторе, я позвонила брату, мирно спавшему тут же, дома, в мансардном этаже, где он живет с женой, Афиной, и их дочками, Фионой и Дианой.

– Виктор, быстро вставай, собирайся, пей кофе и лети на главную базу спасателей.

– Юла, ты шутишь?.. – пробормотал он сквозь сон.

– Нисколько. Сейчас я тебе не Юла, а куратор Тиатары.

– Опять?!..

– Надеюсь, временно.

– Что случилось?

– Спускайся, скажу. Не буди Афины. Нам ничто не грозит.

Виктор, ошарашенный, но уже одетый в походный комбинезон и ботинки, появился внизу через считанные минуты. Я увела его на кухню, где Карл уже сварил очередную порцию кофе и открыл коробку с питательными галетами.

– Виктор, Улисс этой ночью послал сигнал SOS. Больше некому. Поскольку ты хорошо ориентируешься в островах и знаешь, где именно он устроил убежище, твое участие в экспедиции необходимо.

– Улисс?! – изумился Карл, который был не посвящен в нашу общую тайну.

– Да. Он. Извини, я чуть позже тебе расскажу все подробности. Теперь уже нет никакого смысла скрывать, что он жив. Надеюсь, всё ещё жив. Просто так взывать о помощи он не стал бы. Вероятно, там случилось нечто серьезное.

Виктор прихлебывал обжигающий кофе и пытался впихнуть в себя пару галет. Хотя в такое время и в такой ситуации кусок ему в горло не лез.

– Ладно, Юла. Я готов, – сказал брат, допив чашку. – Экспедиционный рюкзак у меня всегда собран.

– Удачи, брат! Я надеюсь, вы найдете Улисса.

– Ты будешь дома?

– До отлета «Валги» – да, потом перемещусь в Институт.

Карл пошел провожать Виктора, а я вернулась в свой кабинет.

Там меня уже ждали рапорты от всех, кого я выдернула из постелей и отправила неизвестно куда. Приказы куратора не обсуждаются, а выполняются беспрекословно. Потому что они никогда не диктуются личными прихотями. А моя репутация умелой Хранительницы, наработанная годами службы, обеспечивала мне доверие всех подчиненных.

С Виктором мы заранее придумали убедительную, на наш взгляд, легенду, объясняющую, почему он столько лет молчал о присутствии на острове Ойгон пропавшего без вести брата императрицы Иссоа. У Виктора, дескать, имелись лишь смутные предположения, будто Улисс мог укрыться там, но не было никаких доказательств.

Теперь мы с Виктором изложили нашу совместную версию экипажу «Валги». Умалчивать о том, куда и зачем я их посылаю, было нельзя. Объяснять же, почему нужно так рисковать ради субъекта с неясным статусом, я не обязана. Однако всё-таки сообщила, что Улисс Киофар – носитель информации исключительной важности, и Межгалактический альянс очень заинтересован узнать, что с ним произошло. Поэтому – в путь! Неизвестно, сумеет ли он подать еще один сигнал.

«Валга», укомплектованная всем необходимым, стартовала в направлении моря Сайял.

Об отдыхе речь не шла. Но будить всю семью было слишком рано. И незачем. Афина вечером выступала в концерте, вернулась поздно, и даже переполох, учиненный мною, не смог прервать ее сон. Дети спят – «хоть из пушек пали», как говорит, используя старинную идиому, мой папа. Пушки я видела лишь на картинках. Но думаю, наши дети сладко спали бы и под звук взлетающего космолета.

Карл побрился, оделся и вернулся ко мне на кухню. Для успокоения нервов я взялась состряпать нам завтрак, прибегнув к полуфабрикатам «Фарфар». Я – посредственная кулинарка, но из готовых ингредиентов могу соорудить нечто удобоваримое и даже вкусное. Тонкие лепешки начинить овощной смесью, завернуть, обжарить, полить легким соусом... Ммм!..

То ли запах из кухни, то ли шум голосов разбудил барона Максимилиана Александра. Он тоже проснулся и присоединился к нам. Обладая врожденной сдержанностью и аристократическим тактом, свёкор не стал расспрашивать меня о причинах столь раннего пробуждения. Мы решили поесть на кухне, не перемещаясь в столовую. На троих тут места хватало.

Передо мной лежала Сивилла с постоянно включенным экраном, по которому периодически пробегали беззвучные сообщения с «Валги». Стартовали штатно, полет проходит нормально, в пути спасатели изучают карты, а Виктор дает пояснения.

– Мои дорогие, – сказала я. – Пришла пора открыть одну тайну. Улисс, вероятно, жив. Во время прошлой своей экспедиции Виктор видел его. Тот отшельничал на острове Ойгон в окружении морских баадаров. Твари его не трогали. Улисс уверял, будто научился с ними справляться. Ничего не хотел, ничего не просил. Возвращаться не собирался. У него при себе было всё необходимое для относительно цивилизованной жизни.

– А, тот пропавший флаер Ульвена! – усмехнулся Карл.

– Разумеется. Он его превратил в укромную хижину. Пробавлялся собирательством и охотой, но готовил на плитке. Электричество получал от зарядки солнечных аккумуляторов. На досуге читал, смотрел видео, слушал музыку – Ульвен снабдил его компактным универсальным девайсом.

– Так наш милый принц был всё-таки в заговоре с дядей? – спросил барон Максимилиан Александр.

– Ну... практически, да, – согласилась я.

– А теперь в некрасивый обман вовлекли и тебя, – заметил Карл, не щадя мои чувства. – Как ты собираешься выкручиваться, госпожа куратор?..

– Выкручиваться? Зачем? Я скажу всё, как есть. Да, Улисс исчез в ту ночь без следов. Все искали его в окрестностях обитаемой зоны и не нашли. Объявить погибшим не было оснований, сочли пропавшим без вести. Через несколько лет Виктор, облетая остров Ойгон, зафиксировал теплотектором присутствие крупного млекопитающего. Он заподозрил, что это может быть наш пропавший беглец. Догадка оказалась верной: Улисс обозначил свое присутствие, написав на песке очень крупные буквы SOS. Брат спустился, поговорил с ним. Улисс не выразил никакого желания возвращаться туда, где его ненавидели, отвергали, унижали и угрожали депортировать на планетоид-тюрьму, пусть даже не в качестве заключенного, а начальника космопорта. Виктор счел возможным исполнить просьбу Улисса и не разглашать сам факт его существования.

– Но тебя-то он посвятил?

– Разумеется. Я должна была это узнать.

– И ничего никому не сказала?

– Хранительница – на то и Хранительница, что ей можно доверить любые тайны. И мои полномочия допускают самостоятельное принятие важных для судеб планеты решений.

– Надеюсь, ты сумеешь убедительно преподнести это координаторам Межгалактического альянса.

– Карл, сокровище, Schatzi, мне всё равно. Захотят уволить – пускай увольняют. Моя жизнь станет проще, спокойнее и приятнее. Однако напоследок я всё-таки вытащу из беды Улисса.

– Вы полагаете, Юлия, он в беде? – спросил барон Максимилиан Александр, по-прежнему избегающий «тыкать» Хранительнице Тиатары.

– Улисс – не из тех, кто стал бы ночью слать SOS просто потому, что соскучился по светскому обществу. Я уверена, он в опасности. Недавняя буря могла повредить его флаер или заблокировать вход. Мы не знаем, что там случилось. Если вдруг он ранен или тяжело болен, то не сможет обеспечивать себя пищей и держать оборону от хищников. А если у него разрядятся аккумуляторы, он лишится и всякой связи. Поэтому я приказала лететь на поиски Улисса немедленно. Через день мы уже не получим оттуда никакого сигнала.

– Ты расскажешь всё это Иссоа, Эллафу и Ульвену?

– Чуть позже. Дождусь сообщений от «Валги». А сейчас отправлюсь в Институт.

– Когда проснется Vater Anton, что сказать?

– Говори, как есть. И ему, и Афине. А Иссоа и прочих родственников Улисса я возьму на себя.

Предыстория

Поскольку я это пишу по прошествии некоторого времени, придется напомнить о событиях, предшествовавших спасательной экспедиции.

Почти семь лет тому назад на Тиатаре вдруг объявился биологический клон моего покойного дорогого учителя, уйлоанского принца Ульвена Киофара Джеджидда, известного в научных кругах как профессор Джеджидд, выдающийся космолингвист, первый ректор Тиатарского Межгалактического университета. Он погиб на планете Лиенна, где его сначала хотели возвести на трон как законного императора, но убили во время сакральной церемонии, когда он провозгласил императрицей Иссоа, свою сестру. Мой муж Карл, летавший туда вместе с ними, сумел вернуть на Тиатару императрицу Иссоа, ее жениха Эллафа Саонса и Илассиа, вдову принца Ульвена.

Самозванец поначалу пытался настаивать на своем полном тождестве оригиналу. Ему внушили – и он сам уверовал в это – будто он и есть воскрешенный инопланетной медицинской наукой принц-профессор Джеджидд, рожденный на Тиатаре, но имеющий необъемлемые права на трон императора Лиеннской империи. Если бы семья Ульвена признала его, то путь к верховной власти для двойника оказался бы открыт, и Межгалактический альянс ничего не смог бы с этим поделать. Больше того: такое признание сделало бы недействительной последнюю волю подлинного Ульвена и лишило бы его родственников всех титулов и имущества. Наследниками же являлись дети императрицы Иссоа, рожденные в браке с Эллафом Саонсом: принц Ульвен, принцесса Файолла и принц Эллаф Ульвен (сокращенно – Элвен).

На Тиатаре не было и не могло быть никаких императоров. Здешнее общество основано на принципах коллегиального управления автономными поселениями и научными институтами, в состав которых непременно входят как минимум три космических расы (уйлоанцы, тагманцы и люди), а нередко и больше (в межгалактических учреждениях). Но титул императрицы принадлежал Иссоа неоспоримо, и к ней полагалось почтительно обращаться именно так.

Судьба двойника зависела и от решения ближайших родственников подлинного Ульвена (сестры и жены), и от его собственного поведения, и от результатов расследования Межгалактического альянса. Самозванец в конце концов согласился с тем, что он – не Ульвен, и взял себе имя Улисс, означавшее на улойанском «Великий Крылатый» («Улли», или «Ули» – «великий», «исси» – «крыло»). Иссоа была готова принять его в семью на правах не старшего, а младшего брата, при условии, что он полностью признает ее полномочия и откажется от любых притязаний на императорский титул.

Вдова Ульвена, Илассиа, напротив, категорически не желала, чтобы двойник оставался в одном с нею мире. Мне трудно судить, чего было больше в ее страстной непримиримости – любви или ненависти, ибо Илассиа бесконечно любила Ульвена и, невзирая на второе замужество, втайне верила в невозможное: его возвращение из небытия. Пожилой доктор Келлен Саонс, отец Эллафа, знал о неизжитой страсти жены к Ульвену, умершему у нее на руках. Келлен сам овдовел примерно тогда же, и хорошо понимал потаенные чувства Илассиа. За долгие годы спокойного и утешительного для обоих брака супруги Саонс глубоко привязались друг к другу. У них родились сын и дочь, Лаон и Оллая, названные в честь отца Илассиа и в честь первой жены Келлена. Казалось, Илассиа обрела свое тихое позднее счастье, а доктор Келлен не чаял души в ней и детях.

Вторжение двойника в их семью завершилось трагедией.

Эллаф, пустив в ход свое влияние, настоял на принятии версии, продиктованной им самим: Илассиа умерла от нервного истощения вследствие неизлечимой депрессии, а доктор Келлен – от сердечного приступа, когда осознал, что она перестала дышать.

На самом же деле всё было куда ужаснее.

Илассиа забеременела от Улисса и скончалась в мучительных родах. Ее возраст делал роды заведомо крайне рискованными, и к тому же она довела себя до настоящего истощения, душевного и физического. Доктор Келлен, считавшийся ранее лучшим хирургом на Тиатаре, на сей раз не справился и не успел остановить начавшееся кровотечение. Его сердце не выдержало, когда он увидел появившегося на свет младенца. Новорожденную девочку забрали к себе приехавшие слишком поздно Иссоа и Эллаф. Они объявили ее своей родной дочерью. Ибо у Келлена с Илассиа не могло родиться такого ребенка: малышка – типичная алуэсса, носительница реликтовых генов, свойственных только императорской семье Киофар. Все признаки налицо: зеленоватая кожа, два нижних глаза – бирюзовые, между пальчиками рук и ног – перепонки, более заметные, чем у других уйлоанцев.

О милосердном подлоге знали лишь трое: Иссоа, Эллаф и я. Ах, да, еще верная няня, Нинниа, бывшая акушерка, которая подписала свидетельство о домашних родах императрицы.

Улисса к тому времени среди нас уже не было. Он, как я уже объяснила, бесследно исчез, предпочтя отшельничество депортации, на которой настаивала Илассиа.

Аргументом против присутствия клона на Тиатаре стало наличие в его мозгу так называемой «темной зоны» – участка, обнаруженного при обследовании, но не поддающегося расшифровке без хирургической операции. Предполагалось, будто с помощью этой зоны двойник способен преобразиться в управляемого биоробота и стать смертельно опасным для всех своих родственников, которых он начнет устранять на пути к вожделенному трону. И хотя он сумел наладить родственные отношения с Иссоа и подружиться с ее сыновьями, Ульвеном и маленьким Элвеном, исследователь Межгалактического альянса, профессор Уиссхаиньщц, также требовал перемещения двойника с Тиатары на другую планету.

Принц Ульвен, успевший привязаться к необычному дяде и жалевший его, провернул очень дерзкую авантюру. Он заранее обзавелся флаером, нагрузил аппарат снаряжением, предназначенным для проживания в дикой местности, и дал Улиссу ясно понять, что тот может распорядиться всем этим добром по собственному разумению. В тот вечер, когда двойнику выносился вердикт – депортация – он попросту улетел. Ульвен сделал вид, будто ничего не знал о замыслах дяди. Разыгравшаяся над Тиатарой буря не позволила сразу пуститься на поиски. На другой день искать уже было поздно. Никаких следов не нашли.

Ныне круг замыкается. Нам предстоит второе пришествие двойника. Или... всё же не двойника? А Улисса, который больше не в силах сражаться с судьбой в одиночку и отчаянно просит о помощи?

Иссоа

Официально я работаю директором Института истории Тиатары, который входит в состав Тиатарского Межгалактического университета (сокращенно – Тиамун). До меня эту должность занимал предыдущий куратор планеты, профессор Уиссхаиньщц. Поясню для тех, кто с ним незнаком: он – с планеты Аис, а значит, существо из другой материи. Не гуманоид. За долгие годы общения (он знает меня с пятнадцати лет, когда я поступила в здешний Колледж космолингвистики) профессор Уиссхаиньщц изменил свое мнение обо мне со скептически-снисходительного до уважительного и почти дружеского, насколько аисянин вообще способен испытывать чувства дружбы к белковому короткоживущему организму. Во всяком случае, мы сумели достичь удовлетворительного понимания. Он сам захотел видеть меня своей преемницей, пусть и не в ранге куратора.

Теперь он – координатор Межгалактического альянса. В его ведении – обширный сектор этой части Вселенной. На такие посты обычно назначают инопланетян, лишенных житейских потребностей: они не чувствительны к радиации, не испытывают неудобств, находясь месяцами и даже годами в стесненных условиях, не нуждаются в пище и сне, не заводят романов и не рожают детей... Человека-куратора встретить можно, а вот координатора – вряд ли. Я бы не согласилась, даже если бы мне предложили. В детстве я с гордостью заявляла: «Космос – мой дом!». А сейчас склонна думать: мой дом – Тиатара. Не Земля, откуда меня увезли совсем маленькой. Корни мне удалось пустить только здесь, в другой галактике.

У меня большая семья. Мама, к несчастью, давно умерла. Зато рядом со мной – папа, Антон Васильевич, мой любимый муж Карл Максимилиан, наши дочери Лаура и Валерия, их дети, брат Виктор с женой Афиной и две их девочки, а еще – мой свёкор, барон Максимилиан Александр, родители моего зятя Стефана Древича – сэр Колин Маклеод и Камелия Древич... Все мы живем в Витанове, бывшем поселении первых здешних землян, и занимаем два соседствующих особняка. Впрочем, не все: Валерия давно уже переехала в Тиамун, к своему другу Сезару, космоэтнографу. Но Валерия постоянно летает – она пилот звездолета, а Сезар приглядывает за ее сыном-школьником, Антоном Карлом.

Мои лучшие друзья – императорская семья Киофар.

Мне странно вспомнить, как на первых порах уйлоанцы казались мне странными, непонятными и неприятными. Серо-зеленоватая, в мельчайших чешуйках, кожа, три глаза, отсутствие волос, совершенно другая мимика, мелкие острые зубы, длинные пальцы с атавистическими перепонками, просторные складчатые одеяния, архаические представления об этикете... Больше всего мне нравился уйлоанский язык – певучий, протяжный, ритмически гибкий. Затем я начала различать их эмоции, понимать их возраст, ценить привлекательность внешности. Самым прекрасным созданием мне в юности показалась принцесса Иссоа, обладавшая невероятным по силе воздействия голосом и обворожительно ласковыми манерами.

Мы почти сроднились, забыв про любые различия, и внешние, и культурные, и сословные. Впрочем, по мужу я – баронесса Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн. Титулованной особе вполне подобает по-дружески общаться с уйлоанской императрицей, а наследного принца Ульвена любить, как родного сына.

Теперь мы обе – давно уже немолодые женщины, хотя выглядим, благодаря достижениям медицины, отнюдь не на свои почтенные пятьдесят с небольшим. Эллаф, муж Иссоа, врач-реабилитолог, заставил ее заняться собой после появления в их семье неожиданной четвертой малышки, алуэссы Ниссоа. Ведь молодая счастливая мать не должна глядеться как бабушка! Через пару месяцев все заметили, как необычайно похорошела Иссоа, как к лицу ей это позднее материнство, до чего она сделалась стройной и соблазнительной... Я-то прибегла к тем

чудодейственным процедурам еще раньше, как только стала Хранительницей. Дело даже не в красоте, а в здоровье всего организма. Выдерживать обычные на этом посту нагрузки способно лишь физически крепкое существо без изъянов и хворей. Остальное – пышные русые волосы, блеск в глазах, свежесть кожи и стройность фигуры – приятное дополнение. Надеюсь, меня еще хватит надолго. И неважно, останусь ли я потом Хранительницей, или нет.

Дождаясь известий от «Валги», я занималась обычной работой. Как директор – подписывала приказы, подготовленные секретарями, утверждала план заседаний на будущий месяц, согласовывала оппонентов к предстоящим защитам двух диссертаций. А как Хранительница и куратор – отвечала на сообщения и звонки из важнейших планетарных инстанций, объясняя, что ничего чрезвычайного не случилось, кураторские полномочия мне понадобились для немедленной организации экспедиции, подготовка которой иначе заняла бы изрядное время, и тогда вся затея потеряла бы смысл. Всё идет своим чередом, никаких внезапных сдвигов в обычной жизни Тиатары не предвидится, о подробностях экспедиции будет сообщено по ее завершении.

Так прошла половина рабочего дня.

«НАЙДЕН. ЖИВ», – вдруг высветилось долгожданное сообщение на мониторе Сивиллы. Написать мне такое мог лишь брат.

Посылать запросы участникам экспедиции не имело смысла. Мало ли, какая у них обстановка. Скорее всего, сажать корабль пришлось в море. На суше нет никакой площадки. Значит, и переправа Улисса на борт доставит немало хлопот. Вспомогательный флаер, впрочем, на «Валге» тоже имеется, но неясно, целесообразно ли его использовать в тех условиях. Все спасатели знают, как действовать. Мешать им нельзя. Нужно ждать. Ждать. Ждать...

Время шло. Чтобы чем-то занять себя, я начала прикидывать примерную стоимость всей операции. Сумма получалась пугающая. Планетарный совет может не утвердить правомерность таких затрат. Кого мы спасаем? Улисса? А кто он такой? Клон Ульвена Киофара Джеджидда? У него на момент побега даже не было узаконенных документов. Правда, он успел подтвердить свое право на диплом профессора космолингвистики. Однако с выдачей бумаг получилась заминка: он не мог называться Ульвеном Киофаром Джеджиддом, а имя Улисс еще не было закреплено за ним официально.

Если операцию сочтут результатом моего произвола, покрывать расходы придется за собственный счет. Я отнюдь не бедна. Но оплата сегодняшнего полета «Валги» туда и обратно выглядела бы как наложенный на Хранительницу – а сейчас и куратора! – весьма чувствительный штраф. По миру не пойду, денег хватит, однако репутация пострадает. После этого – только отставка.

«Госпожа куратор. На связи командир экипажа «Валги» Теллао Маннай. Докладываю. Задание выполнено. На острове Ойгон обнаружен господин Улисс Киофар. Диагноз врачей: перелом правой голени. Лихорадка. Обезвоживание. Мелкие травмы лица и конечностей. Пациент в сознании, он погружен на борт, первичная помощь оказана. Вылетаем обратным курсом»...

Сообщение с «Валги» звучало как музыка.

«Одобрю все действия экипажа!» – немедленно ответила я. И добавила: «Сразу по приземлении пациента отвезут в клинику Тиамуна. Сообщите время прилета, машину пришлют. До встречи! Куратор Цветанова-Флорес».

Об отправке медицинской кареты я позаботилась сразу же. Главная база спасателей со служебным аэродромом, на котором стоит «Валга» и целый флот мелких флаеров, ближе всего к Тиамуну. Врачи тут отличные. А родные... Захотят – прилетят.

Всё. Оттягивать больше нельзя.

Я набрала код Иссоа.

– Аввао, Юллияа! – откликнулась она как обычно, приветливо и певуче.

По этикету полагалось спросить, здоровы ли и благополучны ли члены наших семей. Мы обменялись дежурными фразами. Но Иссоа поняла по моему напряженному тону, что звонок неспроста.

– Юллиаа, у тебя нехорошие новости?

– Трудно сказать, дорогая. И хорошие, и не очень хорошие.

– Очевидно, они касаются нас? Меня?..

– Да, Иссоа. И тебя, и всех нас. Нашелся... Улисс. Его скоро доставят сюда.

Она потрясенно замолкла. А потом вполголоса произнесла: «Юллиаа, подожди, я пойду в кабинет. Тут рядом... Ниссоа». Очевидно, Иссоа попросила кого-то присмотреть за девочкой, пока она будет со мной говорить.

Через несколько минут на экране появилась Иссоа. Она включила видеосвязь, и мне пришлось сделать то же самое. Мы смотрели друг другу в глаза.

– Рассказывай, Юллиаа, – требовательно произнесла она голосом не давней подруги, а императрицы. – Что с Улиссом? Он жив? Здоров?

– Жив. Но ранен. И скоро прибудет на базу спасателей. Все эти годы он скрывался на необитаемом острове в море Сайял.

– Как его обнаружили?

– Он послал сигнал SOS, поступивший на спутник. Со спутника – на пульт спасательной службы. Дежурный связался со мной. Ведь в том месте не должен был находиться никто, и тем более, с рацией. Я немедленно приняла на себя обязанности куратора и отдала приказ начать спасательную операцию. Его нашли, погрузили на «Валгу», через пару часов приземлятся.

– Что с ним?

– Ничего особенно страшного. Сломал ногу. Но ты понимаешь, что в таком состоянии он не выжил бы в одиночестве.

– А как ты сама поняла, что сигнал мог быть от Улисса?

– От кого же еще, Иссоа?

– Ты – знала?..

Огромные бирюзово-зеленые глаза алуэссы смотрели мне прямо в душу.

– Да, Иссоа. Я знала.

– Давно?

– Почти четыре года назад там был Виктор. Он видел его. И даже оставил ему ту самую рацию.

– И ты... всё время молчала?

– Улисс не хотел никому открываться. Кроме Виктора и меня.

– Юллиаа, но ведь я – я! – сестра! А ты?..

– Я – Хранительница, Иссоа. Ты давно убедилась, что мне можно доверить любые тайны.

– Твоя верность, Юллиаа, не всегда во благо.

– Невозможно быть верной сразу всем, дорогая Иссоа. Но я стараюсь не предавать никого из тех, кто считает меня своим другом.

– И меня?..

– Тебя – едва ли не в первую очередь.

– После всего, что ты сейчас мне сказала?..

– Иссоа, позволь мне напомнить тебе наш разговор, случившийся вскоре после появления на свет малышки Ниссоа.

– Да, Юллиаа. Я его помню от слова до слова.

– И он остался лишь между нами. Никто не знает, чья она дочь. И никто не узнает, пока ты сама не захочешь открыть, кто она и откуда взялась.

– Но тут – другое...

– Ничуть не другое, Иссоа. Улисс вложил свою судьбу в мои руки. Я сочла, что молчать будет правильнее. Подумай, какие могли бы тут развернуться события, если бы о его убежище стало известно не сейчас, а тогда.

– Его выслали бы с Тиатары? Почему? Ведь Илассиа умерла, из ближайших родственников осталась лишь я... А я не хотела, чтобы с братом так поступали! Какой-никакой – он мне брат! Пусть искусственно сделанный, но – из плоти и крови Ульвена! Другого такого нет и веки не будет!

– Не знаю, Иссоа, как бы с ним поступили тогда. Решение было принято, и Межгалактический альянс мог категорически настоять на его выполнении.

– И сейчас – то же самое?

В ее голосе зазвучало отчаяние.

– Не берусь ничего предсказывать, дорогая моя. Нам нужно сначала вылечить его и понять, чего он желает сам для себя. За прошедшие семь лет он, наверное, изменился. Скорее всего, сейчас он уже не слишком похож на того, из чьего материала он создан.

– Я хочу его видеть. Как можно скорей.

– Прилетай, конечно. Можешь взять с собой Эллафа или Ульвена. Или сразу обоих.

– Хорошо. Сейчас прилечу.

Отключив связь с домом семьи Киофар, я могла облегченно вздохнуть. Разговор вышел нервным, однако с Иссоа мне удалось не поссориться. Кажется, она приняла мои доводы. В их семье действительно столько секретов, что хранить их в одной голове очень трудно. И у каждого – своя боль, своя правда, свои представления о возможном и должном. Вдобавок они – уйлоанские аристократы, о чем тоже не следует забывать. Долг и честь для них значат намного больше, нежели для большинства обычных землян. В Уйлоанской империи эти чувства веками воспитывались по отношению к Императору – средоточию благодатного света звезды Ассоан. Поскольку звезда погубила Уйлоа, а империи давно уже нет, долг и честь перенеслись на близких – семью и род.

Вероятно, Иссоа потому и простила мое затянувшееся молчание. Я помогла сохранить честь семьи Киофар и исполнила долг перед тем, кто рискнул мне довериться. А Улисс – не просто биологический брат Иссоа. Он – жертва, страдалец, плод чудовищного эксперимента и невольный изгой на вселенском уровне. Хранительница, рискуя своей репутацией, скрыла местонахождение брата императрицы от тех, кто его преследовал. В глазах уйлоанцев такое поведение выглядит благородным, хотя по отношению к самой Иссоа оно могло показаться жестоким.

Была и еще одна причина, которая заставляла меня даже не намекать о моей осведомленности.

Причина звалась – Ульвен. Наш любимый и обожаемый принц, «уйлоанский Моцарт», гений музыки, залетевший неким чудом в мир, где никогда не слышали ни симфоний, ни опер. Песни, танцы и фоновые композиции, под которые здесь издавна проводили праздники, занимались спортом, обедали в ресторанах, коротали время в космопорте и скрашивали свой домашний досуг – вот и всё, что на Тиатаре ассоциировалось со словом «музыка». Не будь я женой Карла-Макса, в юности – замечательного скрипача, и родственницей барона Максимилиана Александра, который, как истинный немец из древнего рода, знал толк в фугах Баха и операх Вагнера, я бы тоже довольствовалась обыденными представлениями, не подозревая о том, насколько музыка – высокое, сложное и интеллектуально наполненное искусство.

Мой покойный учитель, Ульвен Киофар Джеджидд, хорошо разбирался в музыке и, если верить Иссоа, сам неплохо пел и искусно играл на уйлоанском стеклянном органчике, мийон эреллай. На публике он избегал музицировать. Вероятно, считал, что здесь он далек от искомого им совершенства. Но сестру обучал с удовольствием, и нисколько не возражал против ее занятий сначала пением, а потом и игрою на скрипке. Мы все восхищались талантом Иссоа,

пока не родился наследник – Ульвен. И уже на пятом году его жизни нам стало ясно: он – гений, и мешать ему стать музыкантом – затея тщетная и даже опасная. Мальчик всё равно бы добился желаемого, только цена могла оказаться непомерной и для него самого, и для всей семьи Киофар. Запреты лишь усилили бы те черты его характера, которые и без того иногда огорчают всех, кто любит его: упрямство, скрытность и изворотливость. Ульвену-старшему они тоже были свойственны, но мой учитель обладал иным темпераментом. Он умел сохранять полнейшую невозмутимость в самых неожиданных обстоятельствах, как смешных, так и страшных. И лишь изредка позволял себе вспышки гнева или всплески умеренного веселья. Ульвен-племянник – другой. Внешне – лёгкий, весёлый, любезный, общительный, а в душе... Боги космоса ведают, что там таится. Не кошмарные чудовища, нет. Ульвен – средоточие лучезарного света. Однако наш принц – дитя алуэссы. На что он способен, он сам, вероятно, не знает.

Расскажи я Ульвену о встрече Виктора и Улисса, юноша, не исключая, решил бы отправиться в гости к дяде или попытался бы в одиночку спасти его из вынужденного островного заточения. Ульвен бесстрашен, он великолепно водит флаер, мгновенно принимает решения и считает себя в полном праве поступать по собственной воле: он принц, никогда не знавший иных запретов, кроме вменяемых императорским этикетом. В семнадцать лет мать объявила его совершеннолетним, посвятив в иерофанты (в семье Киофар одно с другим прочно связано). Это дало ему свободу распоряжаться своими деньгами, своим имуществом и самим собой – в разумных пределах. Главой семьи и всей уйлоанской общины осталась императрица Иссоа, ее авторитет был непререкаем, и Ульвен совсем не желал делить с нею бремя ежедневных обязанностей. Хотя Иссоа не властвовала над империей, она управляла благотворительным «Фондом Киофар», занималась перепиской с просителями и властями, проводила официальные встречи, улаживала трения между влиятельными семействами – и вдобавок входила в Планетарный совет Тиатары как верховная иерофантесса уйлоанской общины. Принц Ульвен лишь изредка принимал участие в сакральных церемониях у очага, но всерьез занимался лишь музыкой: сочинял, давал концерты, выпускал альбомы, и ни перед кем не отчитывался в своих тратах.

Вскоре мать увидела, чем обернулась такая свобода. Но отозвать у принца дарованные ему привилегии оказалось уже невозможным.

Ульвен, как всякий гений, непредсказуем. И вдобавок немного лукав. Прибегать ко лжи – не в привычках принца, однако он чрезвычайно искусен в сотворении достоверной на вид полуправды. При всей моей нежной, почти материнской, любви к нему, я не стала бы с ним откровенничать на действительно важные темы. Проболтаться – не проболтается, однако от Ульвена можно ждать любых выходов.

Стоило вспомнить про сына Иссоа, как он сам позвонил:

– Ich begrüße Sie, meine gnädige Frau Bewahrerin! – принц любил начинать разговор на немецком, который с детства усвоил от Карла и барона Максимилиана Александра. – «Приветствую Вас, моя милостивая госпожа Хранительница!»

– В настоящий момент – куратор, – машинально поправила я.

– Ja, gewiss, Frau Kuratorin! Мама мне сообщила невероятные новости. Это правда, что дядя Улисс нашелся?

– Истинная правда, Ульвен.

– Как прекрасно! Я счастлив! Надеюсь, он будет рад увидеть меня!

– Несомненно. Ты где?

– В Тиамуне. Вчера был концерт учащихся нашей студии, вы же знаете от Афины. Она улетела домой, я остался переночевать у Массена. Можно мне к вам прийти?

– Лучше встретить Иссоа на стоянке флаеров и проводи ее в нашу клинику. Я тоже туда приеду, как только «Валга» приземлится, выгрузит Улисса и передаст его медикам. Не думаю, что вас сразу допустят к нему. Однако хотя бы снабдят информацией о его самочувствии.

– А вы уже что-то знаете?

– Знаю только, что он сломал ногу. Живи он в цивилизованном мире, такая травма не стоила бы разговоров. Но в глуши, в окружении диких хищников, это, ты понимаешь, смертельно опасно. К тому же там ни аптек, ни врачей.

– Понятно. Главное, дядя жив! Спасибо вам! Вы столько сделали для нас всех! Я – ваш вечный должник!

– Дорогой Ульвен, давай прекратим беседу, мне некогда. Извини.

– Повинуюсь, госпожа куратор! До встречи!

Сокровища Ментора

В тот вечер мне не удалось повидаться с Улиссом. Во время полета и наземной транспортировки он спал под воздействием обезболивающего укола. В клинике им сразу занялись, поместив на всякий случай в отделение интенсивной терапии. Он пробудился в боксе под капельницей, обнаружив полнейшее присутствие духа и разума. Но выглядел, разумеется, плохо. Встречать меня в таком виде Улисс постеснялся. Просил навестить его позже, когда он вернет себе подобающий облик. Однако для сестры и племянника исключение всё-таки сделал. Иссоа и Ульвен смогли пообщаться с ним, пусть недолго.

Потом я пригласила императрицу с сыном к себе, в резиденцию при Институте. Мы заказали ужин из ресторана и расположились в моей скромной гостиной. По словам Иссоа, Улисс выглядел изможденным и был физически слаб. Он охрип, говорил полупшепотом с длинными паузами. В него вкачивали внутривенное питание, ибо он несколько дней не ел и почти не пил. Но гангрена ему не грозит, и операция вряд ли потребуется.

Больше всего Улисс беспокоился, не потеряли ли по дороге драгоценный девайс, в котором содержалась, как он уверял, вся его здешняя жизнь. Узнав, что девайс в сохранности (об этом позаботился Виктор), Ульвен попросил сестру забрать аппарат и поместить в сейф с важнейшими документами. Иссоа выполнила его желание; девайс Улисса по имени «Ментор» – при ней.

«Юллиаа, когда он стал звать какого-то Ментора, я испугалась, подумав, будто брат повредился умом. Потом поняла, что это электронный прибор. Почему вдруг Ментор? Что это значит?», – спросила Иссоа, которая, не имея университетского образования, не знала многих вещей, понятных любому историку цивилизаций.

Я объяснила Иссоа, что Ментор – персонаж очень древней книги с нашей планеты, герой которой звался Улиссом, или, на другой лад, Одиссеем. Афина – богиня, которая помогала ему пережить испытания, – сопровождала его, приняв облик советника и назвавшись именем Ментор. С тех пор у нас на Теллус менторами называют учителей и наставников.

– Скоро о Менторе и Афине услышит вся Тиатара, – обещала я.

– Откуда? – недоуменно спросила Иссоа.

– Улисс не терял на острове времени даром. Он перевел ту древнюю книгу про странствия Одиссея на уйлоанский язык. Виктор привез мне файл с предварительным вариантом. Я воздерживалась от публикации, потому что иначе пришлось бы объяснить, каким образом текст попал в мои руки. К тому же с тех пор Улисс мог внести изменения в черновик. Там требовалась основательная редактура и подробные комментарии. Я не хотела бы делать это без его ведома. Теперь, если Улисс разрешит и захочет, мы издадим уйлоанскую «Одиссею».

– Но нигде ведь, кроме Тиатары и Лиенны, не говорят на уйлоанском, – с сомнением напомнила Иссоа.

– Уйлоанский изучают в некоторых университетах этой части Вселенной. Например, на Гингоссе и Виссеване. Предисловие же следует написать на космолингве, чтобы с ним могли познакомиться все желающие.

– Юллиаа, ты еще не обсуждала это с Улиссом?

– Каким образом? Мы же не виделись.

– Ладно, теперь торопиться некуда. Он жив и, надеюсь, скоро поправится.

– Мама, ведь мы заберем дядю к нам?

– Конечно, Ульвен. Наш дом – его дом. Мы будем за ним хорошо ухаживать. После стольких страданий он заслужил покой и заботу.

Она бережно погладила Ментора, лежавшего перед ней на столе, словно бы перенося свою сострадательную нежность к брату на неодушевленную вещь.

Тут меня осенило:

– Дорогая Иссоа, позволь мне, пожалуйста, заглянуть в девайс Улисса.

– Зачем? Там может быть что-нибудь очень личное.

– Я не буду раскрывать его файлы. Просто посмотрю названия папок. Это необходимо для моего отчета.

Иссоа доверчиво протянула мне Ментора. Я надеялась, что пароль не выставлен, иначе я ничего не узнаю. Хакер из меня никудышный.

Улисс либо загодя снял пароль, либо вообще им не пользовался – на пустынном острове никто бы не покусился на его записи.

Даже беглый взгляд на содержимое обещал огромное количество уникальных сведений. Дневник наблюдений за окружающей средой, остроумно озаглавленный «Фенология духа». Заметки о биологии и этологии баадаров. Каталог островных растений. Отдельная папка «Неизвестные виды морских животных», «Сравнение островной и материковой фауны»... И много подобного в этом же роде. Некоторые названия выглядели особенно интригующими. «Рацион морских змей», «Детоксикация ядовитых слизней», «Размножение уйшу»...

– Иссоа, Ульвен... – потрясенно пробормотала я. – Улисс привез с собой сокровище!

– Поясни, пожалуйста, Юллиаа!

– Фактически здесь – отчет об экспедиции протяженностью в семь лет, дорогие мои. Ни одно учреждение Тиатары и даже Межгалактический совет по научным связям разумных миров не могли бы организовать ничего подобного. Да и вряд ли нашелся бы доброволец, согласный подвергнуть себя столь тяжелому и опасному эксперименту. Эти файлы – бесценны. Когда Улисс вернется к нормальной жизни, я с ним поговорю о его дальнейшей карьере. Он теперь не только космолингвист, а еще и натуралист, и эксперт по выживанию в дикой природе. Чувствую, его будут рвать друг у друга из рук все здешние институты. Я – первая!

– Ты предложишь ему работу, Юллиаа?

– Если он согласится, Иссоа.

Императрица и принц распрощались со мной по-дружески. Я в глубине души радовалась, что между нами не возникло досадной размолвки.

Оставалось самое трудное: объясниться с моим начальством.

Я безумно устала за день, поскольку встала еще до рассвета и не имела ни часа на расслабление. Но куратор – должность не для слабонервных дамочек. Произнеся на нескольких языках клич – «Вперед! Adelante! Vorwärts! Aioss!» – я набрала код координатора Уиссхаиньщца и уселась перед аппаратом межзвездной связи.

Ответ пришел, конечно, отнюдь не сразу. Координатор всегда на посту, однако он перемещается между вверенными ему мирами, а связь в таких случаях изрядно запаздывает. За время ожидания мне удалось собраться с мыслями и выпить очередную чашку кофе, приготовленную Сэргэ, моим верным помощником. Он – тагманец, и мне не сразу удалось внушить ему, какой именно кофе я предпочитаю. У них под названием «кофе» подается нечто невообразимое, солёно-перчёное.

– Приветствую вас, госпожа Хранительница, – внезапно пророкотал гулкий бас Уиссхаиньщца.

– Куратор Цветанова-Флорес в вашем распоряжении, старейший наставник, – учтиво ответила я.

– Куратор? На Тиатаре чрезвычайная ситуация?

– К счастью, нет, господин координатор Уиссхаиньщца. Обстановка спокойная. Недавно случилась очередная буря. В городах разрушений не было, и никто серьезно не пострадал. Но

мне пришлось принять на себя обязанности куратора для немедленной организации спасательной экспедиции к архипелагу в море Сайял.

– И кого там спасли?

– Известного вам двойника, принявшего имя Улисс Киофар.

Координатор замолк, и я поняла, что даже он потрясен этой новостью.

Дальше наш диалог развивался по обкатанной схеме. Да, жив. Да, травмы. Да, без срочной помощи он бы погиб. Да, нужно было действовать без проволочек. Да, я беру на себя всю ответственность. Если нужно, даже материальную.

Усвоив полученную информацию, Уиссхаиньщц задал неизбежный вопрос:

– Почему вы решили, госпожа куратор Цветанова-Флорес, что сигнал SOS подал именно господин Улисс Киофар?

– Потому что никто другой не мог бы его оттуда подать, – поспешила ответить я, чтобы координатор не успел спросить, не знала ли я заранее о месте, где он скрывался. – Те места необитаемы. А исчезновение Улисса семь лет тому назад не позволяло однозначно признать его умершим или погибшим. Флаер мог пролететь столь огромное расстояние при помощи ураганного ветра, дувшего в ту ночь в направлении моря Сайял. Как выяснилось, предположение оказалось верным. Он сумел приземлиться на последнем из островов и жил с тех пор внутри флаера, поврежденного при посадке и непригодного для полетов.

– Почему его не засекали со спутников?

– Он умело маскировался, старейший наставник. Сверху его убежище выглядит как природный объект. Кусты, коряги, камни, заносы песка. Снаряжение для выживания там имелось. При выдающемся интеллекте Улисса его история – вовсе не чудо.

– Вы с ним уже виделись, госпожа куратор?

– Нет, старейший наставник. В госпитале его навестили сегодня императрица и принц Ульвен. Я собираюсь туда завтра. Но сначала хочу услышать ваши распоряжения.

– А именно, госпожа куратор?

– Относительно нас. Меня и Улисса.

– Я не понимаю, госпожа куратор, какая тут связь. Мы давно уже выяснили, что Улисс Киофар – не ваш учитель, которому вы были столь преданы и который выбрал вас Хранительницей своего очага.

– Улисс доверял мне, как другу семьи. И вы помните, старейший наставник, что я выступала против его удаления с Тиатары. Сегодня я самовольно возложила на себя обязанности куратора и выслала «Валгу», чтобы спасти его. Если теперь вступит в силу давний вердикт о его депортации, я подам в отставку.

– Вы настолько им дорожите?

– Я дорожу своей репутацией, старейший наставник Уиссхаиньщц. И доверием тех, кто меня уважает. Моих сегодняшних приказов послушались без возражений, поскольку все знали, что я действую ради общего блага.

– В чем оно состоит в данном случае, госпожа куратор?

– Улисс Киофар не просто жил на острове Ойгон, питаясь дарами природы и размышляя о собственном прошлом. Его разум не мог оставаться праздным. Он – ученый, и занимался научными наблюдениями, которые ежедневно фиксировал. Я лишь мельком видела файловый каталог в его личном девайсе. По-моему, там содержится исключительно важная информация. А дабы не растерять навыки космолингвиста, он перевел на уйлоанский язык «Одиссею» Гомера.

В прежние годы Уиссхаиньщц преподавал историю цивилизаций и, конечно, ему не нужно было объяснять, почему перевод такой поэмы на инопланетный язык – явление необычайное.

– Откуда вам это известно, госпожа куратор?

- Из того же девайса. Файлы в полной сохранности. Я проверяла.
- Как он мог пользоваться электронным прибором, не имея энергии?
- У него был аккумулятор. Даже два. Заряжались от солнца.
- И где сейчас эти вещи?

– Девайс – у императрицы Иссоа. Остальное, я полагаю, осталось на острове. Кроме, может быть, мелких личных предметов. Опись мне пока не прислали. Отчет спасателей поступит ко мне на днях. Сегодня они заслужили отдых. И завтра у них выходной.

– А ваш отчет, госпожа куратор?

– Примерные суммы расходов я уже подсчитала, однако они должны уточняться. Премии всем участникам экспедиции я тоже выпишу. Надеюсь, Планетарный совет без задержек их выплатит. Как только пришло вам отчет, я сложу с себя обязанности куратора. И либо снова стану Хранительницей, либо, если вам будет угодно, покину свой пост.

– Такие вопросы решаю не я, госпожа куратор Цветанова-Флорес. Вам известны механизмы выработки наших решений. Я могу лишь давать коллегам рекомендации.

– В любом случае, старейший наставник Уиссхаиньщц, я безмерно вам благодарна за годы учения и сотрудничества.

– Вы намерены распрощаться со мной навсегда, госпожа куратор?

Мне почудился в его тоне упрек или горестная насмешка, хотя аисянам чужды наши эмоции, а бас Уиссхаиньщца – искусственный голос, издаваемый лингвочипом. Интонации там на самом деле нейтральные.

Помолчав, он добавил, завершая наш разговор:

– Всё будет зависеть от вашего отчета, куратор Цветанова-Флорес. И от ценности файлов вашего нынешнего... *протезе*.

Я раскрыла рот от безмолвного изумления. Раньше Уиссхаиньщц никогда не вставлял в свою речь галлицизмы. Да еще в ироническом смысле. Он изъяснялся исключительно точными и стилистически пресными фразами, иногда с преобладанием нудной бюрократической лексики. Неужели и в нем после стольких лет общения со мной появилось нечто почти человеческое?..

– Да хранит вас вечность, старейший наставник! – произнесла я традиционную аисянскую формулу.

– Жду дальнейших известий, Цветанова-Флорес, – закончил он разговор.

В отупении я уставилась на померкший экран. Вроде бы всё закончилось благополучно. По крайней мере, ожидаемый выговор не последовал. Ждать немедленного полнейшего одобрения моих действий тоже было бы слишком наивно.

Сотрудники Межгалактического альянса не подвластны эмоциям и ничего не решают внезапно, повинувшись минутному настроению. Меня выслушали – уже хорошо. Можно выпасться, повидаться завтра с Улиссом и засесть за отчет.

Но голова продолжала гудеть. Организм кричал мне – «Иди, поспи!» – но сам же сопротивлялся этой здравой идее. Эмоции не отключались, мысли мчались потоком заряженных микрочастиц...

Я встала и выглянула в приемную, где дежурил верный Сэргэ. Рядом с ним сидел мой Карл-Макс. Они о чем-то тихо беседовали.

– Сэргэ, вы свободны. Простите, я забыла отпустить вас вовремя. Поставьте себе сверхурочные, они будут оплачены.

– Рад быть полезным вам, госпожа куратор! Ваш супруг останется здесь или вы прикажете вызвать флаер и отвезти вас домой?

– Ich bleibe, – сказал Карл, не дав мне ответить. – Я останусь.

Только теперь я увидела на диване его рюкзак с вещами и корзинку, источавшую вкусные запахи: кто-то из моих любимых родных приготовил нам настоящей домашней еды.

Сэргэ деликатно покинул нас, плотно прикрыв за собою дверь. Через пару минут тихо дзынькнула сигнализация: Институт Тиатары погрузился в ночной режим, и включилась автоматическая охрана.

Я, как самая простая женщина, бабская баба, бросилась на шею мужу и разрыдалась.

«Nun, Julchen, meine Liebe, hör auf, alles ist wunderschön, nicht wahr?» – ворковал он мне на ухо.

Да, любовь моя. Мой космический ангел. Всё хорошо. Только даже куратору Тиатары иногда не мешает поплакать.

На круги своя

Улисс пробыл в отделении интенсивной терапии лишь пару суток. Он категорически не хотел, чтобы я приходила туда. Всё-таки он продолжал воспринимать меня не только как Хранительницу планеты, а еще и как даму, которая ему некогда нравилась, пусть и в сугубо платоническом смысле.

Можно было продолжить лечение в реабилитационном центре, где имелся аппарат, способствующий регенерации поврежденных конечностей. Но, во-первых, в данный момент техника была занята другим пациентом с гораздо более тяжелыми травмами, а во-вторых, там нужно было несколько дней лежать в подобии биокамеры. Улисса это совсем не устраивало. Изоляцией он пресытился во время своей семилетней робинзонады. Он предпочел выздороветь медленнее, зато в окружении близких, по которым страшно соскучился.

Начался какой-то парад дежавю. Всё это с нами однажды уже случилось. Теперь – на бис, как говорят музыканты. Для гостя освободили и обустроили комнату рядом с малой гостиной. Ту самую, в которой он жил при первом своем появлении на Тياتаре. И опять – коляска, поскольку ходить с экзопротезом он еще не наловчился, разве что делать пару шагов от постели до стула. А ему хотелось общаться с родными, участвовать в семейных трапезах, дышать свежим воздухом во дворе.

Конечно, Улисс связался со мной, как только смог нормально разговаривать, и сердечно поблагодарил за свое спасение. Хрипотца в его голосе не исчезла, но она ему даже шла.

«Я обязан вам жизнью, моя дорогая, и никогда не забуду этого! Кстати, как прикажете к вам теперь обращаться?» – «Когда я не при исполнении официальных обязанностей, достаточно просто «Юлия», господин Киофар». – «Тогда и вы, пожалуйста, если нетрудно, называйте меня «Улиссом». Я свыкся с этим именем. Это не псевдоним, это сущность. Вы знаете, почему».

Наконец, меня пригласили на торжественный обед в честь Улисса. Иссоа, разумеется, хотела бы видеть нас целой компанией – вместе с Карлом, Виктором, Афиной и бароном Максимилианом Александром. Карл не смог: он готовился к очередному полету. Остальные с удовольствием приняли приглашение. Мой папа, как всегда, охотно взялся присматривать за внучками, дочерьми Афины и Виктора, Фионой и Дианой. У рыжих сестричек Цветановых-Флорес характеры взрывчатые: в их жилах течет ирландско-греческо-русско-мексиканская кровь. Но вообще они добрые и отходчивые, так что надо лишь вовремя гасить конфликты и побольше шутить.

Документы на имя «Улисс Киофар» спасенному уже выдали. Межгалактическое удостоверение личности, диплом профессора космолингвистики, медицинскую страховку. Он больше не был неведомо кем, непонятным феноменом без родителей и биографии, искусной подделкой под погибшего Ульвена Киофара Джеджидда. Мне Иссоа призналась, что ей стало гораздо легче общаться с Улиссом, поскольку теперь он уже не так разительно похож на покойного старшего брата (впрочем, кто скажет, как выглядел бы Ульвен, проведи он семь лет на необитаемом острове?). Они перешли на «ты», как подобало брату с сестрой, хотя с Эллафом Улисс остался на «вы».

Понемногу велась подготовка к церемонии у очага, после которой Улисс оказался бы окончательно признанным членом семьи Киофар.

Предполагалось, что Улисс для начала просто получит право присутствовать на церемонии, проводимой в его честь, затем, через некоторое время, станет младшим иерофантом. Младший иерофант может сам совершать церемонии у очага, но некоторые обряды требуют высшей степени посвящения. Невозможно было сразу сделаться старшим или главным иеро-

фантом, не пройдя последовательно всех описанных стадий. Принц Ульвен верно заметил когда-то, что иерофанты не берутся из вакуума – посвящение получают от наставника, самозванцев тут быть не может. В настоящее время на Тиатаре наивысшее посвящение имеют лишь Иссоа, Эллаф, принц Ульвен и Маилла Ниссэй. Этого достаточно, чтобы обряды не забывались и творились в согласии с древней «Книгой церемониала».

Торжественная трапеза с настольным огнем, горящем в светильнике, стилизованном под уйлоанскую старину – это легкий, светский, общедоступный вариант церемонии у очага, на котором могут присутствовать даже непосвященные, включая нас, инопланетян.

Улисса заранее усадили за стол, чтобы гости не видели его беспомощно ковьяляющим.

От нелегкой жизни и тяжелого физического труда он явственно постарел. Было странно думать, что по биологическому возрасту он младше Иссоа – настолько цветущей и свежей гляделась императрица по сравнению с нашим многострадальным скитальцем. Но ни сломленным, ни озлобленным Улисс не казался. Он лучился довольством и гордостью, принимая знаки внимания.

Я подошла к нему, и он учтиво со мной поздоровался: «Извините, моя драгоценная Юлия, я не могу встать навстречу моей спасительнице, могу лишь склонить перед вами голову!». Мы соприкоснулись ладонями, как принято у уйлоанцев. Так же сделал и барон Максимилиан Александр. Виктор, однако, пожал Улиссу руку, на земной манер. А Афина просто сделала легкий изящный поклон – она артистка, ей так привычнее.

Из прочих родственников присутствовала семья Ниссэй – племянница, иерофантесса Маилла, с мужем, известным астрономом Ассеном, и двумя сыновьями с их женами. Близнецы Ниссэй тоже стали более явственно различимы, чем в детстве и юности. Ульфар, астрофизик, женатый на принцессе Файолле, выглядел более чинно, как подобало ученому-аристократу, состоявшему в близком родстве с императрицей Иссоа. Массен, физик-экспериментатор, следовал принятому в университетской среде неброскому стилю одежды, а его жена, Айала, происходила не из знатной семьи и профессионально занималась видеоартом. Трехлетнюю дочку они с собою не взяли.

Сильнее всего меня удивило присутствие юной Оллайи Саонс, дочери доктора Келлена и Илассиа, младшей единокровной сестры Эллафа и воспитанницы супругов Ниссэй. После трагической смерти родителей Оллаию взяли к себе Ассен и Маилла. По закону, ее опекуном должен был бы стать самый старший из братьев, Эллаф Саонс, но из-за чрезвычайно враждебных взаимоотношений между Улиссом и Лаоном Саонсом, другим братом Оллайи, такое решение представлялось не очень желательным. Шестнадцатилетний Лаон, напомню, пытался убить двойника, покусившегося на честь его матери, и лишь благодаря моему вмешательству в этот семейный конфликт юношу удалось вразумить, Улисса – отговорить от судебного иска к Саонсам, а чудовищно некрасивый скандал укрыть от внимания посторонних. Обо всех подробностях знали очень немногие.

Сейчас Лаон Саонс – магистр юриспруденции со специализацией на экологии и биоэтике, директор фонда «Саонс», спонсирующего исследования в сфере медицины, биологии и уйлоанистики. Он женат на Иланне, дочери Маиллы и Ассена, и гораздо чаще бывает в их доме близ Севайской обсерватории, нежели в доме семьи Киофар, с которым у него связаны крайне болезненные воспоминания. Приглашение Лаону всё-таки было послано (императорский этикет соблюдается неукоснительно!), но никто не рассчитывал, что Лаон его согласится принять.

Подростая Оллаия стала явственно похожа на мать. Высокая, тонкая, с чуть серебристой кожей, очень светлыми нижними серо-голубыми глазами и мягко сияющим верхним. Ободки вокруг глаз – изысканного сиреневого оттенка. Очень серьезная, сдержанная, молчаливая. Ничуть не кокетливая, вопреки несомненной женственности. Любящая воспитательница, Маилла, старается наряжать подопечную с аристократическим вкусом. В школе девочка носит форму, а в обществе появляется, одетая как принцесса: неброско и безупречно.

Несмотря на свой хрупкий вид и юный возраст, Оллая уже твердо определилась с профессией, не очень привычной для девушки из высшего уйлоанского общества. Ассен, надеясь отвлечь подопечную от тяжелых воспоминаний, с ранних лет пристрастил ее к созерцанию звездного неба и внушил интерес к астрономии. Оллая посещала курсы при Севайской обсерватории и вела наблюдения под руководством дяди Ассена. Девочка даже открыла комету, которую назвала просто «Саонс» – ее уже включили в межгалактические каталоги.

Оллая не перемолвилась с Улиссом ни словом, лишь молча сделала чинный полупоклон. Зато он сразу впился в нее глазами: настолько она напоминала ему ту единственную во вселенной женщину, которую он, похоже, искренне и глубоко любил. Эту любовь внушили ему инопланетные космопсихологи, моделировавшие личность клона. Улисс верил, будто Илассиа ждет не дождется его возвращения, чтобы восстановить их брак и, если потребуется, улететь вместе с ним на Лиенну. Его не смущал ни возраст возлюбленной (Илассиа, несмотря на солидные годы, выглядела восхитительно), ни присутствие рядом с нею весьма пожилого мужа, Келлена, ни наличие у нее двух детей.

«Говорят, вы столь же умны, сколь прекрасны, – выдавил он из себя комплимент юной девушке в строгом пепельном платье. – Надеюсь, мы будем с вами общаться по-родственному, дорогая Оллая». – «С позволения моих многочисленных опекунов, господин Киофар», – сдержанно и церемонно отвечала она, кинув вопросительный взгляд на Ассена с Маиллой.

Маилла, относившаяся к Улиссу настороженно, предпочла промолчать. Ассен же дипломатично сказал, что Оллая намерена в этом году экстерном закончить школу, поэтому занимается очень много, и на светские развлечения у нее не хватает времени.

Мы сели за стол, и торжественный вечер начался чередой славословий с передачей друг другу светильника с пламенем, зажженным от семейного очага.

О боги космоса, если вы есть, не карайте меня за нескромность, но столько похвал на мою голову не изливалось еще никогда! Ну да, я быстро среагировала на известие о сигнале SOS, я отважно приняла на себя обязанности куратора и смогла немедленно снарядить экспедицию, я сумела убедить координатора Уиссхаиньщца в правомерности моих действий, я достигла договоренности об отмене решения о депортации Улисса с Тиатары...

Не слишком ли много «я, я, я»?...

Отвечая на множество благодарностей, я заметила, что хвалу надлежит воздать, прежде всего, самому Улиссу: если бы не его мужество, храбрость, находчивость и неиссякаемый творческий ум, то спасать бы мне было некого. Вряд ли кто-то другой сумел бы не просто выжить в тех неблагоприятных условиях, но и остаться там цивилизованным, мыслящим и постоянно развивающимся существом.

Он сиял от счастья. Он наслаждался всеобщим признанием. Он держался как... главный в доме?..

На мгновение мне стало не по себе. Вспомнился последний разговор с координатором Уиссхаиньщцем, состоявшийся при обсуждении моего отчета. Уиссхаиньщц угрюмо спросил, вполне ли я представляю себе, чем может обернуться моя снисходительность к двойнику, учитывая ту цель, которую ставили перед собою его создатели. Я ответила, что Улисс изменился. Он больше не претендует на императорский титул. Превыше всего он ценит семью и мечтает вернуться туда, где его ожидают любовь и забота. Вдобавок за семь прошедших лет он не помолодел. В его возрасте старость ближе, чем юность. Высылать его куда-либо, навсегда разлучая с родными – бессмысленная жестокость. Пользу он способен принести и на Тиатаре. Выслушав мои аргументы, координатор проговорил: «Хорошо, госпожа Хранительница. Мы вам доверяем. Оставляем решение вопроса о судьбе господина Улисса в ведении властей Тиатары. Вы приняли надлежащий закон, и мы будем его уважать».

Пока я погрузилась в свои мысли, принц Элвен спросил:

– Скажите, милый дядя, а что вы там ели?

- То, что сам добывал, – отвечал Улисс племяннику.
- Плоды? Растения? Рыбу? Водоросли? Моллюсков?
- Мясо животных тоже, мой мальчик. Без мяса выжить в таких условиях трудно.
- Охотились?

– Ну, конечно. За добычей обычно уходил подальше от дома или плавал на континентальный берег. Держать ручное стадо варати поблизости от моего прибежища было никак невозможно, его сожрали бы баадары.

- Значит, вы каждый день кого-нибудь убивали?
- Не каждый день, Элвен. По мере необходимости.
- Своими руками?
- А чьими же?
- Это трудно – убить?

– Трудно, мой дорогой. Но пришлось приучиться. Здесь мы можем заказать и купить любую еду. А там что добудешь, тем и питаешься. Делать значительные запасы я не мог: в моем флаере не было рефрижератора. Влажность в тех местах высока, фрукты и овощи, как свежие, так и сушеные, хранились очень недолго. Во время бурь приходилось сидеть взаперти пару суток. На этот срок еды мне хватало, но воду нужно было расходовать бережно. В тот злосчастный день, когда я сломал ногу, у меня осталась горсть орехов, совсем немного воды и один полуразряженный аккумулятор.

Улисс под воздействием легкого, но бодрящего вина с удовольствием рассказывал о своих приключениях на Ойгоне, который он называл «мой остров». Как он плавал среди баадаров, как порой совершал поездки на континент на хлипкой надувной лодчонке, которую, в конце концов, продырявил, и обратно пришлось добираться верхом на бревне, закинув на плечи тушку варати, привязанную лианами. Как, после дневных трудоемких занятий, он вечерами декламировал вслух тексты на всех известных ему языках, чтобы не утратить профессию космолингвиста, как разыгрывал воображаемые диалоги с родными, рассказывая им о своих делах и свершениях; как взялся переводить «Одиссею», что надолго его обеспечило умственной пищей и удержало от мыслей о смерти...

«Да, я порой пытался представить себе, как я буду там умирать, – признался Улисс. – Поначалу картина казалась даже приятной и утешительной: почувствовав приближение смерти, я выйду на берег, улягусь с видом на море и небо – и тихо засну... Однако реальность сулила мне нечто другое. Либо меня, обессилевшего, заживо сожрали бы хищники, либо я сгнил бы в своей металлически-пластиковой могиле, без воздуха, света, воды»...

Молодёжь и дети – Ульвен, Файолла, Элвен, Оллайя – взирали на «дядю Улисса» как зачарованные. Он уже превратился для них в героя. Айала с Афиной принимали кокетливый вид, когда он восхищенно смотрел на них и говорил им приятные комплименты. Мужчины – Эллаф, Ассен, Виктор и барон Максимилиан Александр – преисполнились к нему уважения. Мы же, трое давних подруг – Иссоа, Маилла и я – понимающе переглядывались и молчали, наблюдая за тем, как Улисс постепенно покоряет себе окружающих. Он порой обращался и к нам, но скорее прося одобрения собственным репликам: «Не правда ли, дорогая сестра?.. Ты согласна, племянница?.. А вы, несравненная Юлия?»...

Понемногу беседа увяла, все устали и начали разъезжаться. Улисс прощался с гостями, оставаясь сидеть у стола – ему по-прежнему не хотелось, чтобы его видели в инвалидном кресле.

Когда мы вернулись домой, Афина и Виктор поднялись к себе наверх. Папа и обе девочки, Фиона с Дианой, давно уже спали.

Барон Максимилиан Александр попросил меня задержаться в гостиной на пару слов.

«Liebe Julia... Милая Юлия, я весь вечер молчал и редко встревал в разговор. Но не прекращал наблюдать за собравшимися. Если вы не пренебрежете мнением старика, я бы попро-

сил вас посоветовать императрице Иссоа подыскать ее брату другое жилище, помимо дома семьи Киофар».

Я кивнула. Мне самой это было понятно и очевидно.

Улисс не вмещался ни в какие обычные рамки. Как ни старался он вести себя скромно и благопристойно, следуя всем уйлоанским обычаям, он мгновенно завладевал всеобщим вниманием и превращался в источник незримой, но ощущаемой всеми повелительной силы.

Напрямую сказать Иссоа, что, как только спасенный брат снова сможет передвигаться на своих ногах, его нужно выдворить из семьи, у меня не достало бы духу. Следовало действовать более гибко.

Предложение

Выждав приличное время, я снова наведалась в Тиастеллу. Неофициально, по-дружески, совершенно одна.

Улисс, разумеется, всё ещё не мог свободно ходить, но выглядел гораздо свежее и здоровее. Лицо слегка округлилось, шрамы исчезли, он был аккуратно одет. Меня проводили в его комнату, где он полужёла работал за новым девайсом-трансформером.

– Я чувствую, Юлиаа, вам нужно поговорить наедине? – спросила Иссоа.

– Да, дорогая. Если Улисс в настроении потерпеть меня с полчаса, – ответила я.

– С вами, моя драгоценная, я готов хоть еще на семь лет на необитаемый остров! – галантно откликнулся он.

Его склонность к фривольным намекам осталась неистребимой, но теперь она не так коробила мой слух, как при первом знакомстве.

– Боюсь, против этого выступит мой муж, Карл Максимилиан, – в тон ему пошутила я. – У немецких баронов суровые взгляды на нравственность.

– Он ведь снова покинул вас и отправился в космос?

– Откуда вы знаете?

– Я спросил перед званым обедом у барона Максимилиана Александра, отчего вы пришли без супруга. Он ответил, что Карл Максимилиан ждет старта на космодроме.

– Ну да. Рейс довольно рутинный. Коммерческий. Второй пилот – наша дочь Валерия.

– Героическое семейство!

– Дорогой Улисс, перейдемте к делу.

Иссоа тихонько вышла из комнаты и плотно прикрыла дверь.

Я села напротив него и словно опять окунулась в прошлое.

Точно так же мы тут сидели, когда я уговаривала его не судиться с Лаоном, обезумевшим от зрелища грехопадения матери, которому он стал невольным свидетелем.

– С какой просьбой вы сегодня пришли, госпожа Хранительница? – вкрадчиво поинтересовался Улисс. – Я уже сказал вам, что я ваш должник, и исполню любое ваше желание, но надеюсь, вы не попросите чего-то совсем невозможного.

– Я пришла с предложением. Даже с несколькими. И надеюсь, они вам понравятся.

– Слушаю вас внимательно, дорогая.

– Мое начальство из Межгалактического альянса согласилось оставить вас на Тиатаре и одобрило мои действия лишь потому, что вас считают обладателем ценных знаний, достойных скорейшего распространения. В них заинтересованы представители разных наук, и не только на нашей планете.

– Каким образом это сделать? Передать вам все мои файлы?

– Я – не вы. Кроме вас, никто другой не опишет ваш опыт с должной ясностью и достоверностью.

– Вы же видите, я пока не в состоянии даже толком стоять на ногах...

– Речь о будущем, друг мой.

– Крайне заинтригован!

– Я хочу предложить вам работу в Институте истории Тиатары.

– Моя Юлия, но ведь я не историк, а космолингвист!

– Институт объединяет ученых разных специальностей. Мы изучаем Тиатару как живую и развивающуюся систему: космическую, природную, историческую. Я сама, вы знаете, космолингвист, но это не мешает мне быть неплохим, по мнению многих, директором комплексного института.

– Разве ваше нынешнее служебное положение – не прикрытое куда более важного статуса?

– Нет, Улисс. Директорство – не синекура. Альянс назначает своими представителями лишь опытных профессионалов, которые не воспримут отставку как катастрофу, если вдруг их сместят или просто подвергнут ротации. К тому же профессионалы лучше ориентируются в конкретных делах того мира, в котором работают. Они не сидят в изоляции, окруженные секретарями, помощниками и охранниками. Охрана нам, кстати, не полагается. Выделяться своим образом жизни нельзя. И, помимо обязанностей Хранительницы, у меня еще куча работы. Я продолжаю преподавать теорию и практику перевода студентам-историкам. Проверку контрольных, правда, поручаю своим ассистентам, самой мне некогда. И в индивидуальный класс давно никого не беру.

– А ваш знаменитый поэтический семинар?

– Да, он всё ещё существует. Но там нагрузка шадящая. Раз в декаду, попеременно с профессором Луэем Мафиром.

– Кстати, Юлия, вы уже познакомились с моим переводом «Одиссеи»? Я ведь передавал его через Виктора. Это вышло... ужасно?

– Почему вы так думаете?

– Вы не стали его издавать.

– Не решалась без вас.

– Однако вы в свое время опубликовали «Алуэссиэй инниа»: исследование и все три версии текста с вашими комментариями...

– Я сделала это, поскольку Ульвен, мой учитель, погиб. А вы, я знала, живы.

– Вы ждали моей кончины?

– Нет, Улисс. Возвращения. Я предчувствовала, что это случится.

– «Сюон-вэй-сюон»...

Он напомнил сакральное уйлоанское выражение, обозначающее нерасторжимую связь двух сердец и двух душ. Эта связь соединяла меня с моим незабвенным учителем.

– Не совсем, Улисс. Между вами и мной ничего подобного нет. Просто я рассуждала логически. Мне не верилось, что вы вправду намерены навсегда похоронить свои таланты на необитаемом острове. Если Виктор оставил вам рацию, а вы ее с благодарностью приняли, вам пришлось бы однажды пустить ее в ход.

– И как мы поступим теперь?

– Издадим перевод, разумеется. Но сначала над ним поработаем. Пройдемся по всем стихам, уточним семантику разных лексем, поправим стилистику, снабдим примечаниями... Всё-таки я разбираюсь в поэмах Гомера и в реалиях древней жизни на Теллус несколько лучше, чем вы. Однако в знании тонкостей уйлоанского языка, особенно архаизмов, я с вами тягаться не в силах. Впрочем, вы вправе отказаться от моего участия и действовать самостоятельно.

– Кто, кроме горсточки космолингвистов, сумеет оценить этот труд?

– Я думаю, многие. «Одиссею» никогда еще полностью не переводили на инопланетные языки. По крайней мере, я таких переводов не знаю. Лишь сокращенные пересказы и вольные адаптации.

– Но ведь я перевел не гексаметром...

– В нашем мире, на Теллус, такое нередко практиковалось. Другое дело, кое-какие слова переданы, по-моему, не совсем адекватно по смыслу. Их бы следовало уточнить, заменить или перефразировать. И, естественно, прокомментировать существенные отступления от оригинала, вызванные различием цивилизаций.

– Теперь понятно, почему вы не хотели в одиночку браться за столь кропотливое дело.

– Вместе с вами, Улисс – с большим удовольствием.

– Значит, нам нужно будет часто видеться?

– Безусловно. И лучше очно, не дистанционно. Но при моих многочисленных обязанностях я не могу постоянно летать в Тиастеллу. Логичнее вам переехать поближе ко мне.

– И... опять стать бездомным скитальцем?..

– Почему же бездомным? Вам предоставят квартиру в профессорской резиденции. Там довольно удобно.

– Моя Юлия, для меня это очень непросто! Тут – мой очаг, мои кровные родственники... Единственная сестра, ее муж, их милые дети...

– Вас никто не гонит, Улисс. Но здесь течет своя жизнь. Когда-то и я привязалась к этому дому всей душой, тоже воспринимая его как родное прибежище, потому что другого не знала. Однако, даже взяв на себя по просьбе учителя долг Хранительницы, я не пыталась стать здесь хозяйкой.

– Вы думаете, я пытаюсь?

– Вы привыкли всецело распоряжаться собою, Улисс. Принимать все решения, ни с кем не советуясь. На необитаемом острове по-другому было нельзя. В доме же, где царит императрица Иссоа, вам двоим скоро станет тесно. Эллаф с его мягким характером подлаживается под ее настроения и создает атмосферу спокойной благожелательности. Ульвен, хоть давно уже взрослый, предпочитает оставаться при матери и отце на правах любимого первенца. Младшим детям нужна забота родителей, и они ее получают. У каждого – своя роль. Все вместе создают гармоническое созвучие, семейный аккорд, внутри которого находиться приятно и хозяевам, и гостям.

– Я – гость?...

– Вы – сильная личность, Улисс. Вы не сможете навсегда оставаться в теперешнем положении. Младший брат императрицы, любящий дядюшка, объект попечений всех членов семьи... Если вы не смиритесь с этим, вспыхнут обиды и даже раздоры. А если смиритесь... У вас скоро возникнет чувство, будто ваша жизнь уже кончена, самое интересное в ней позади.

– А разве не так, моя Юлия?

– Думаю, дорогой Улисс, всё едва начинается.

– Если верить тому, что написано в биопаспорте, мне уже сорок восемь. Сколько именно, трудно сказать.

– Не имеет значения. Мне, признаюсь, несколько больше. И что? Я – старуха?

– Вы прекрасны. Я восхищаюсь вами. Но вы же не захотите внезапно менять свою жизнь.

– У меня нет для этого никаких оснований, друг мой. А у вас они есть. Вы добыли бесценные материалы – и собираетесь их ото всех утаить?

– Я надеялся разбирать их постепенно, сверяясь с научными данными...

– Почему бы не делать эту работу за деньги? Я предлагаю вам должность в престижном учреждении. Вас ожидает известность, слава, всеобщее уважение, значительные доходы... У вас будут благодарные слушатели, понимающие коллеги, собеседники, ученики!

– Так sireны когда-то манили Улисса...

– Я похожа на лживую оболстительницу? И желаю вашей гибели?

– Нет, что вы, милая Юлия!

– Мои песни, возможно, вполне прозаичны, однако они влекут не на опасные рифы, а в хорошо оборудованный кабинет с доступом к межгалактическому инфоцентру! Все сокровища, накопившиеся в разумной Вселенной, будут в вашем распоряжении.

– Устоять невозможно.

– Вы согласны?

– Согласен. Написать заявление или достаточно слов?

– Бюрократия правит мирами. Мы оформим контракт, как положено. Но не сию минуту. Вам нужно поправиться. Пока вы сидите дома, систематизируйте материалы, привезенные

вами с Ойгона. Я тем временем сделаю перестановки в штатном расписании, выделю вам подходящую ставку и договорюсь о квартире в профессорской резиденции.

– Юлия, значит, вы решили всё за меня?

– Нет. Конечное слово за вами. Вы можете отказаться. Или поступить совсем по-другому. Я всего лишь придумала план. И даю вам шанс поработать со мной. Начальником, в силу должности, буду я. Но поверьте, я не склонна к тиранству. Никто до сих пор не жаловался.

– Хорошо, дорогая. Давайте действовать вместе.

– Поздравляю вас, профессор Улисс Киофар!

Я соприкоснулась с ним ладонями и встала.

– Вы останетесь на обед? – встрепенулся он.

– Да, с удовольствием. Но приглашение, по этикету, должно последовать от Иссоа.

Оставив его в озадаченном состоянии, я поднялась наверх и постучалась в апартаменты императрицы. Дети, Элвен и Ниссоа, еще не вернулись из школы; Эллаф поехал за ними. Иссоа была у себя и занималась разборкой каких-то прошений или счетов.

Оторвавшись от монитора, она повела меня в комнату, где когда-то находилась спальня ее брата Ульвена. Я всегда вхожу сюда с замиранием сердца. При Ульвене доступ в его личные покои мне был запрещен. Лишь когда я стала Хранительницей, он дал мне право следить за порядком везде, но попросил не пользоваться этой комнатой. Теперь помещение служит для сугубо конфиденциальных бесед.

– О чем ты говорила с Улиссом? – спросила Иссоа, когда мы уселись в кресла у низкого столика.

Я пересказала ей самое главное, но несколько сместила акценты.

Когда Улисс полностью выздоровеет, необходимо представить его широкой общественности. Межгалактический альянс – не благотворительная организация и руководствуется соображениями целесообразности. Мои действия по вызволению Улисса сочли правомерными, но теперь пришла пора доказать, что он – ценное приобретение для научного общества Тиатары.

Разумней всего принять Улисса на службу в мой институт. Польза – всем. В том числе и ему. Улисс получит высокий статус и постоянный доход. При его самолюбии и самомнении это очень существенно. А поскольку летать ежедневно из Тиастеллы в Тиамун слишком долго и утомительно, Улиссу лучше жить в кампусе. Квартира в профессорской резиденции, полагаю, ему подойдет.

– Хорошо, – лаконично сказала Иссоа.

Мне-то казалось, она начнет возражать. Однако в ее тоне слышалось облегчение.

Брат едва успел освоиться в доме, и она уже им тяготится? Но ведь Иссоа недавно настаивала, чтобы Улисс вернулся в семью?

– Между вами что-то неладно? – осторожно спросила я.

– Юлиаа, он всё понял.

– Что именно?

– Кто такая Ниссоа.

– Он сам сказал тебе?

– Он ничего не сказал. Но вчера попросил, и даже потребовал, чтобы Эллаф срочно свозил его в клинику. К косметологу.

– А при чем тут его красота? Ниссоа совсем дитя. Он так хочет понравиться ей?

– Дело вовсе не в красоте. Улисс сказал, что желает убрать с лица пару шрамов. Дескать, они его портят и делают старше. Но заодно он избавился от... одной специфической родинки. Выжиг лазером. Без следа.

Я по-прежнему не понимала сказанного.

– У них родинки – в одном месте, – объяснила Иссоа. – На шее, сзади. Не очень заметные. Но одинаковой формы и цвета. Он увидел. И сделал выводы.

– Очень странно... Родинки! – удивилась я. – Ведь Улисс сотворен искусственно. И его создатели стремились сделать его совершенным. Даже лучше оригинала. Зачем они сохранили родинку? Ведь это – дефект?

– И примета. Юлиаа, такая же родинка – точно там же – была у Ульвена. Не помнишь?

– Не помню. Я не присматривалась. И к тому же Ульвен обычно носил рубашки с высоким воротом. Про нас придумывали небылицы, но, ручаюсь тебе, я ни разу не видела его без одежды или в слишком вольном наряде. Изучать его шею под воротником мне бы в голову не пришло.

– Те, кто создал Улисса, понимали, что отсутствие родинки может выдать неподлинность клона.

– Ты пыталась с ним объясниться?

– Нет. Мне страшно, Юлиаа.

– Если он предпочел уничтожить внешний признак родства с Ниссоа, значит, он не желает раскрытия вашей тайны.

– В этой тайне – покой и благополучие двух семей. Или даже трех. Честь Саонсов не должна быть запятнана.

– Улисс, несомненно, всё понимает.

– Я боюсь, что однажды поймет и Ниссоа. Ее тянет к нему. Может быть, пока еще просто из любопытства, как тянуло в свое время четырехлетнего Элвена. Новый родственник, загадочный, интересный, изведавший множество приключений, щедрый на увлекательные рассказы... Запрещать Ниссоа общаться с Улиссом я не могу. А они ведь...

Дочь и отец. Телепат с очень сильной харизмой и маленькая алуэсса, наделенная даром пророчества.

– Юлиаа, ты – наша спасительница. Пусть Улисс поскорей встанет на ноги и уедет к тебе в Тиамун. Только так я смогу успокоиться.

– Дорогая Иссоа, я сделаю всё, чтобы он был загружен работой и пореже стремился сюда.

– Хорошо. Дети, кажется, возвратились из школы. Скоро будем обедать. Ты с нами?

– Конечно. Если честно, я проголодалась!

Вайвенна

Прошло больше месяца. Перелом у Улисса сросся. По случаю выздоровления состоялась долгожданная церемония у очага, на которой Улисса официально провозгласили братом императрицы, хотя и не принцем.

Позвали всех родственников. Совсем ветхие старики прислали письменные извинения – им уже не по силу было выдержать переезды и саму церемонию. Явились те, кто был помоложе и решил воспользоваться этим поводом, чтобы обновить все личные связи и немного посплетничать.

Лаон Саонс с Иланной уклонились от приглашения. У них был уважительный повод: Иланна совсем недавно стала матерью и родила двух девочек. Им дали имена Илассиа и Ильоа.

Генетическая склонность к рождению близнецов – свойство семейства Сеннай. Как мне в свое время открыла Маилла, у ее отца, господина Иллио, когда-то был брат-близнец, который скончался младенцем. Госпожа Ильоа, родив Маиллу, отказалась иметь других детей, боясь, что двойню она не осилит. Зато Маилла порадовала своего супруга Ассена прекрасными сыновьями, Ульфаром и Массеном. В семье Массена и Айалы растет только дочь – Майала, а Ульфар и принцесса Файолла пока не обзавелись детьми, но нельзя поручиться за будущее...

Я раньше не упоминала о судьбе господина Иллио, поскольку он не имел отношения к первому появлению среди нас Улисса и не общался в то время с семьей Киофар. Хотя сестры, Иссоа и Ильоа, помирились, преждевременная смерть Ильоа отдалила овдовевшего господина Иллио от родственного круга императрицы.

После нескольких лет спокойной размеренной жизни Иллио Сеннай, считавшийся почти стариком, удивил нас внезапным браком с совсем юной девушкой, дальней родственницей Иссоа.

Вайвенна, молоденькая жена господина Иллио, была дочерью Вайлена Кенная, племянника покойной госпожи Файоллы, урожденной Кеннай.

Для упрощения все называли Вайлена кузенком. По крайней мере, так его именовал мой учитель. Вайлен был немного младше Ульвена Киофара Джеджидда и, вероятно, старался ему подражать, видя, как все восхищаются лингвистическими талантами принца. По примеру Ульвена, Вайлен захотел стать космолингвистом и даже пошел к нему в ученики, но не справился со строгими требованиями наставника. Ульвен отказался допускать до защиты изготовленную Вайленом магистерскую диссертацию. Отношения между кузенами стали очень натянутыми, и Вайлен перестал бывать в доме принца, куда его, впрочем, звали нечасто. Ульвен же зарекся брать в класс близких родственников.

Иссоа тоже недолюбливала Вайлена и не жаждала с ним встречаться ни в юности, когда госпожа Файолла пыталась представить его как возможного будущего жениха, ни позже, когда стала императрицей и вышла замуж за Эллафа.

А вот мне приходилось регулярно встречаться с Вайленом, поскольку после гибели моего учителя Вайлен Кеннай все-таки защитил диссертацию по истории и сделался директором Музея Уйлоа. Меня, «фаворитку» Ульвена, близкую подругу Иссоа и Хранительницу Тиатары, он не особенно жаловал, хотя старался это не демонстрировать. Выражалось его отношение в мелочах, к которым трудно было придаться. А так – сплошная любезность.

Почему Вайлен решил выдать замуж восемнадцатилетнюю дочь за вдовца, который годился ей в дедушки? Ответ казался ясным и очевидным. Иллио был очень богат. Жил один в роскошном трехэтажном особняке, рассчитанном на большую семью. И периодически сокрушался, что жизнь прошла, а благородную фамилию Сеннай унаследовать некому. Единственная дочь, Маилла, стала госпожой Ниссэй. Маиллу он очень любил, и внуков, Ульфара и Мас-

сена, тоже, но ему хотелось иметь своих собственных сыновей. Здоровая, красивая, молодая Вайвенна могла подарить ему вожделенного наследника. Почему бы не попытаться? Не потешить себя на закате дней?

Другой вопрос, по каким мотивам согласилась на это она.

О насильственном браке речь не шла. Никто из родственников не слышал, чтобы Вайвенна сетовала на свою печальную участь или противилась воле отца. Меня на свадьбу не приглашали, но Маилла, совершавшая брачную церемонию у очага, заверяла меня, что невеста не выглядела несчастной.

Корыстный расчет? Если сердце девушки еще не успело познать любви, она могла соблазниться преимуществами союза с состоятельным стариком, который дал бы ей всё, что она захотела. Высокое положение в обществе, любые наряды и украшения, а в перспективе – большое наследство.

Но у брака Вайвенны имелась иная, прискорбная, подоплека, о которой не говорили публично, однако знали в семье Киофар. Сам Вайлен Кеннай незадолго до этого тоже овдовел и скоропалительно женился на девице Галлоа Флинн, немногим старше его дочери. Галлоа была из богатой семьи промышленников, одевалась эффектно и ярко, но не обладала ни хорошим образованием, ни аристократическими манерами. Она сразу же повела себя в доме Вайлена как полноправная госпожа. Вайвенна, только что потерявшая любимую мать, не поладила с напористой мачехой и воспользовалась первым же поводом, чтобы сбежать от Галлоа подальше. Ведь учиться в университете Вайлен своей дочери не разрешил: он считал, что благородной девушке не пристало три года вращаться в компании разнопланетных юнцов – кто захочет после этого взять ее замуж, даже если она останется чистой и не замеченной в непотребствах?

Каждый участник сделки получил в итоге желаемое. Вайвенна через год после свадьбы родила своему пожилому супругу двух мальчиков-близнецов. Их назвали Иллио и Маиф. Бесконечно счастливый отец окружил жену сердечной заботой. Господин Иллио, несмотря на завидную деловую хватку, был добр и щедр, а Вайвенна оказалась прекрасной любящей матерью.

Однако, едва успев насладиться семейным блаженством, Иллио, страдавший некоторой тучностью, внезапно скончался от кровоизлияния в мозг. Вайвенна осталась совсем еще молодой вдовой с двумя прелестными малышами. Но выбрать нового мужа она не торопилась. По завещанию господина Иллио, всем семейным имуществом Вайвенна распорядилась лишь до своего предполагаемого второго супружества. Далее ей выделялась достойная доля от общего капитала, она сохраняла право жить в особняке, но опека над близнецами-наследниками и причитавшимся им состоянием возлагалась на ее отца, господина Вайлена Кеннай.

Почему Иллио не доверил опеку Маилле, своей старшей дочери? Маилла и ее муж Ассен уже были опекунами осиротевшей Оллаи Саонс. Взваливать на Маиллу еще и заботу о двух младших единокровных братьях господин Иллио счел неудобным. Вайлен же, как дед близнецов, казался вполне пригодным на роль попечителя и воспитателя мальчиков.

Родство Вайвенны с семьей Киофар выглядело довольно далеким: дочь двоюродного кузена, или мачеха племянницы императрицы. Но ее пригласили на семейное торжество, поскольку ей покровительствовала Маилла. Между ними царил мир и лад: Маилла, будучи намного старше Вайвенны, не противилась позднему браку отца, а Вайвенна охотно принимала ее советы и помощь. Как растить близнецов, Маилла знала лучше, чем кто-либо.

Вайлен Кеннай тоже прибыл, причем не один, а с женой, Галлоа, разодетой, словно принцесса. Золотистое платье с жемчужной отделкой, топазовое ожерелье, браслеты на обеих руках... Никто из дам семьи Киофар не считал такие излишества допустимыми на церемонии у очага. Платья императрицы выглядели куда сдержаннее, хотя шились из самых дорогих материалов и сидели на ней безупречно.

У Вайвенны, несомненно, был вкус и такт.

Вдовствующая госпожа Сеннай пришла в платье глубокого синего цвета с чуть заметными искрами. Ее изящную голову с яркими сине-серыми глазами обрамлял уложенный красивыми складками капюшон, переходящий в пелерину, спускавшуюся на плечи. Во время церемонии у очага женщинам полагается надевать покрывала, вуали, шарфы или нечто подобное. Потом, после обряда, их обычно снимают.

Про церемонию я, как всегда, ничего писать не буду. Поясню лишь, что на сей раз она оказалась двойной: одна часть – наречение имени новому члену семейства, другая – признание Улисса младшим братом императрицы.

Иссоа повела себя мудро, не поспешив с церемонией у очага, иначе общее настроение не было бы столь единодушным. Впрочем, старики, не почтившие церемонию своим присутствием, до сих пор недоверчиво относились к двойнику покойного принца. Улисс оставался для них неполноценным и непонятным субъектом. И что за имя – «Улисс»? В семье Киофар никогда и никто так не звался! Да, на уйлоанском оно имеет красивый смысл, но все мужчины в роду Киофар всегда были Ульвенами! Даже если имя двойное («Эллаф Ульвен»), одно из них – родовое и династическое. Как иначе?

Случай Улисса – из ряда вон выходящий, поскольку физически у него не было настоящих родителей. Ни отца, который его зачал, ни матери, которая его родила. И его объявили на церемонии особенным образом: «*Улисс Киофар, ниспосланный небом тождественносущностный младший брат императрицы Иссоа Киофар Саонс*». Старики не смели противиться воле верховной иерофантессы, однако всё ещё не воспринимали Улисса всерьёз.

По завершении церемонии начался неформальный прием, и я лавировала между гостями, стараясь перемолвиться с каждым. Не так уж часто Хранительнице доводится лицедреть высший свет уйлоанской общины!

Меня все тут знали, и даже Вайвенну я раза три уже видела. Она скромно стояла рядом с Маиллой, Ассеном и Оллайей. Маилла, по-видимому, решила, что не следует демонстрировать полное отсутствие младших Саонсов на общем семейном собрании.

– Вы уже подходили поздравить Улисса? – спросила я.

– Успеет. Ждем, когда схлынет толпа, – сказала Маилла.

– Он старается проявить внимание ко всем своим родственникам, – заметила я. – И вдобавок сам любит поговорить.

– Особенно о себе, – съехидничала Маилла.

– Он семь лет мог беседовать только сам с собой или с хищными тварями, – напомнил Ассен. – Теперь наверстывает упущенное.

– Подойдемте поближе, – предложила я. – Он нас отсюда не видит.

Нет. Он видел. И, вежливо раскланявшись с Вайленом и Галлоа Кеннай, сам подошел к нашей группе.

– Мои дорогая племянница, мой учнейший друг Ассен, моя героическая спасительница Юлия! Я надеюсь, что наша дружба лишь окрепнет после нынешней церемонии! Очень рад видеть в вашем кругу юную госпожу Оллайю Саонс и...

Он вопросительно посмотрел на Вайвенну, очевидно, забыв ее имя, поскольку ранее с ней не встречался.

– Улисс, позвольте представить вам мою милую мачеху и подругу, госпожу Вайвенну Сеннай, – произнесла Маилла.

– Мачеху?! – изумился Улисс. – Маилла, ты меня не разыгрываешь?

– Вайвенна – вдова моего отца. И мать моих маленьких единокровных братьев.

– Никогда не поверил бы! Госпожа Вайвенна, вы кажетесь лишь немногим старше Оллайи.

– Мне уже двадцать шесть, – без жеманства призналась она.

Похоже, Вайвенна даже немного гордилась своим возрастом.

В косметических ухищрениях и процедурах омоложения она пока не нуждалась, – подумала я с легкой грустью, но без зависти.

Внезапно я уловила странное выражение в глазах Маиллы и юной Оллайи. Они пристально смотрели на чинно беседовавших Вайвенну и Улисса. Ибо видели то, что не видела я.

Зная особенности психофизики уйлоанцев, я понимала, какое явление могло привести Маиллу с Оллайей в состояние ступора. Маилла сталкивалась с этим не в первый раз. А Оллайя, наверное, лишь слышала про такое.

«Сюон-вэй-сюон».

Сияющий ореол над двумя существами, отныне связанных неразрывными узами.

Маилла с трудом отвела свой взор от Улисса с Вайвенной и медленно переместила его на меня. Мы поняли друг друга без слов. Это было оно. Неизбежное и необоримое.

Оллайя же созерцала происходящее, словно некое астрономическое явление вроде слияния двух далеких галактик – восхищенно, но отстраненно.

Слава

Вскоре Улисс Киофар перебрался в профессорскую резиденцию в кампусе Тиамуна.

Обстановку квартиры совместно придумали и закупили заранее. Руководил работами Эллаф. Когда Улисс туда въехал, всё было готово. Наш аскет-робинзон постоянно твердил о своей полнейшей неприхотливости, но проявлял придирчивое внимание к мелочам. Мебель расставлена, как он хотел, на окнах плотные жалюзи, светильники расположены в нужных местах. Жилье состоит из комнаты для занятий и приема гостей, уютной маленькой кухни-столовой, спальни и санузла. По-моему, ничего другого не нужно, если жить одному.

Я в переезде совсем не участвовала.

Для меня гораздо важнее было представить Улисса моим коллегам и подчиненным в Институте истории Тиатары.

Ситуация складывалась необычная.

С одной стороны, блестящий интеллектуал, профессор космолингвистики, полиглот, переводчик, оратор и литератор.

С другой стороны, искусственно созданный клон, уникам-одиночка, который никогда не работал в университетской или научной среде, не имеет административного опыта, не ведает многих неписанных правил, не встроен в профессиональные группы и служебные иерархии.

С третьей же стороны, мы не должны окончательно забывать о цели, с которой он появился на свет: быть посланным на Лиенну и сделаться там императором вместо убитого заговорщиками Ульвена Киофара Джеджидда. Хотя Улисс отрекся от всех притязаний, натуру не переделаешь. Ульвен тоже обладал врожденной властью, только у него она выражалась в жестком стиле преподавания и в научном бесстрашии. Императором он становиться не собирался. А Улисс – собирался.

Вообразить его себе чьим-либо подчиненным моя фантазия напрочь отказывалась. Поручать ему сразу возглавить отдел тоже выглядело рискованно. Вдруг Улисс с самых первых шагов оказался бы деспотичным и вздорным начальником? В нашем мире так себя не ведут. Даже малоприятный Вайлен Кеннай соблюдает приличия, и найти предлоги для обоснованных жалоб на него никому еще не удавалось.

Решение я придумала. В штатном расписании Института появилась ставка консультанта-эксперта по общим вопросам, с соответствующей должностной инструкцией, подразумевавшей подчинение этого сотрудника лично мне, свободный график работы и гибкие формы отчетности.

Я, кстати, была совсем не уверена, что Улисс умеет писать статьи так, как этого требуют наши стандарты. Впрочем, если ему подробно всё объяснить, он, бесспорно, легко освоит и правила оформления текста, и систему ссылок, и форматы вставляемых файлов.

Начать его карьеру предполагалось с доклада. В устном жанре Улисс всегда ощущал себя непринужденно. Говорить он умеет и любит. Его нынешний облик мужественного покорителя баадаров и баритон с хрипотцой придают его речам весомость и убедительность. Гардеробом Улисса занялись сестра и племянник, дабы он выглядел rispetабельно – примерно так в свое время одевался мой учитель в те годы, когда его костюмы выбирала и заказывала наделенная тонким вкусом Илассиа. Уйлоанцы в одежде привержены своим старым традициям, но в условиях Тиатары кое-что, конечно, меняется. Многослойные длинные одеяния шьются из почти невесомых тканей, защищая кожу от солнца и обеспечивая хорошую вентиляцию. Улисс предстал на публике в верхней мантии (я не знаю, как еще это назвать) благородного коричневатого цвета и в нижней одежде песочного тона.

Первый доклад Улисса – «*Опыт длительного исследования биоценоза архипелага в море Сайял*» – состоялся в нашем конференционном зале. Очно могли присутствовать все сотрудники Института и приглашенные гости из филиала в Миарре и дружественных факультетов университета. Дистанционно же к нам могла подключиться любая аудитория, у которой был допуск к трансляции.

На доклад Улисса сбежались и съехались все, кто мог и хотел. Мест категорически не хватало. Сэргэ распорядился поплотнее поставить стулья, добавив раскладных табуретов, а студенты уселись на пол. Тагманцам привычнее стоять, прислонившись к стене, потому что у них хвосты, и сидеть не везде удобно. С мониторов же на наше собрание с любопытством взирали ученые всех космических рас, представленных в Тиамуне, включая двух теперешних ректоров – виссеванца, профессора космобиологии Рамарраихха Ушшвандарра, и алечуанца, предосточтенного Мину-Минулло-Минулло.

Родственники Улисса наблюдали за происходящим онлайн, однако, к моему удивлению, лично присутствовать пожелал Вайлен Кеннай, директор Музея Уйлоа, приведший с собой младшего сына Вайсана, студента-историка. Чуть позже в зал проскользнула Вайвенна Сеннай. Она не имела отношения к Тиамуну, но не могла же я попросить ее удалиться!.. Оделась она в однотонное платье пурпурного цвета, не очень популярного среди уйлоанок с их серо-зеленоватой кожей. У Вайвенны зеленый пигмент отсутствовал, ее кожа была светло-серой, и винный пурпур ей шёл, придавая сияющим синим глазам изысканный фиолетовый тон.

Наконец, все устроились, и я представила нового сотрудника Института – профессора Улисса Киофара, обладающего уникальными знаниями на стыке разных наук, что полностью отвечает комплексному характеру ведущихся здесь исследований.

Накануне собрания я внушала Улиссу, что на первый раз будет достаточно просто поведать о его жизни на острове, описать окружающую природу и свой распорядок дня, перечислить те явления, за которыми он методично наблюдал и фиксировал это в ежедневных записях. Попутно можно показать картинки и видео, снятые им собственноручно.

Он учел мои пожелания, но сделал всё по-другому.

Доклад получился сугубо научным, без скидок на некомпетентность Улисса в ботанике, зоологии и минералогии. Его отказ от активного участия в обустройстве квартиры в профессорской резиденции был отнюдь не капризом закоренелого эгоиста, решившего переложить все хозяйственные хлопоты на кроткого Эллафа, а насущной необходимостью оптимально использовать драгоценное время. Улисс с утра до вечера изучал терминологию естественных наук, читал последние публикации тиарологов и тщательно вникал в материалы экспедиции Виктора Цветанова-Флорес. Поэтому он говорил с сотрудниками Института, как профессионал с профессионалами. Про свои злоключения – очень мало, а в основном разбирал по пунктам суть дела. Подтверждал существенные достижения той экспедиции, вносил коррективы там, где его наблюдения оказались точнее и полней, оглашал совершенно неизвестные сведения, демонстрировал изображения открытых им новых видов живых существ и растений.

После речи Улисса никто не посмел бы подумать, что за его назначением консультантом-экспертом стояли мои неизживаемые симпатии к покойному Ульвену Киофару Джебидду и моя давняя дружба с семьей Киофар.

На Улисса мгновенно обрушилась слава.

Пришлось ограничить число высказываний и вопросов, посыпавшихся ото всех, кто присутствовал в зале или связывался с собранием онлайн. Иначе мы заседали бы до позднего вечера.

Пользуясь правом ведущей, я напомнила, что профессор Улисс Киофар выступает перед учеными и студентами Тиамуна отнюдь не в последний раз. Запланированы его лекции и мастер-классы в разных аудиториях. Там можно будет пообщаться с ним на конкретные темы.

А сейчас отведенное для выступления время заметно превышено. Профессор Улисс Киофар, как и всякий из нас, нуждается в отдыхе, и ему еще предстоит прием в ректорате.

Отнюдь не каждый научный дебют сопровождался таким интересом и последующим приемом на высшем уровне, но инициатива была не моя. Один из ректоров, космобиолог Рамарраихх Ушшвандарр, семь лет назад принимал участие в экспедиции Виктора. Он хорошо представлял себе те условия, в которых отшельничал наш герой, и сам предложил устроить фуршет в его честь, а заодно познакомить его с другими коллегами.

Улисс отнюдь не казался измученным, даже напротив: всеобщий восторг подпитывал его свежей энергией; он купался в стихии признания; ему нравилось удивлять, восхищать, очаровывать... Толпа студентов постепенно рассасывалась, университетские дамы устремились домой – переодеться в нарядные платья перед мероприятием в ректорате, но вокруг профессора Киофара продолжали клубиться коллеги.

Вайлен Кеннай завладел Улиссом и вел с ним переговоры о лекции для уйлоанистов в Музее Уйлоа. Улисс, насколько я могла расслышать, находясь на почтительном расстоянии, отвечал любезно, но обтекаемо: расписание его выступлений зависит от госпожи директора, профессора Цветановой-Флорес, сейчас он занят очередным докладом о биосфере море Сайял...

Говоря это всё, Улисс смотрел не столько на собеседника, сколько в сторону.

Я невольно перехватила направление его взгляда.

Он искал глазами Вайвенну, которая стояла в другом конце опустевшего зала и разговаривала с профессором Лео Кальманом – директором Института биологии Тиатары в Миарре, одним из моих заместителей.

Вайвенна смотрела не на Улисса, а на своего уважаемого собеседника. Однако даже я, не будучи уйлоанкой и не видя третьим глазом искрящееся «сюон-вэй-сюон», ощущала некий энергетический ток между ними. Улисс понимал, что Вайвенна пришла сюда ради него, нарядилась в пурпур ради него, и говорит сейчас с Лео Кальманом только о нем. А она была уверена, что Улиссу приятно ее присутствие, нравится ее яркий, но строгий, наряд, и сама она кажется желаннейшей женщиной во всех окрестных мирах...

Я приблизилась к Вайвенне и профессору Кальману и непринужденно сказала: «Дорогие друзья, вы, надеюсь, пойдете на продолжение нашего научного праздника?» Профессор Кальман ответил: «Конечно, с большим удовольствием! Госпожа Вайвенна Сеннай подала мне прекрасную мысль – пригласить профессора Киофара в Миарру, с вашего позволения». – «Если он пожелает, почему бы и нет?» – сказала я, про себя усмехнувшись той дерзкой решительности, с которой Вайвенна взялась за дело.

Институт в Миарре был создан намного раньше нашего, и, когда куратор Уиссхаиньщ самовольно включил его в состав Тиамуна и сделал филиалом Института истории Тиатары, возникло заметное недовольство миаррских ученых.

До объединения биологи существовали практически автономно, подчиняясь Межгалактическому совету по научным связям разумных миров, который, собственно, и создает подобные институты со всеми необходимыми подразделениями. Польза – всем. В инфоцентры совета стекается вся информация о планетах, и обитаемых, и необитаемых, и не нужно повсюду рассылать экспедиции. А на любой, даже дикой, планете возникает современное учреждение с кампусом для сотрудников и стажеров, инфоцентром, клиникой, школой для разных детей (принимают всех, кто пройдет необходимые тесты), выставочным помещением или музеем. В Миарре приманкой для посетителей стал живой музей – аквариум и зверинец, где издавна содержали не слишком опасную фауну. Дети очень любят милых кротких варати, которых здесь (только здесь!) разрешается гладить. Ведь в природе их шкуры кишат паразитами, и, хотя зверушки весьма незлобивы, трогать их запрещено.

Сотрудникам миаррского института реорганизация показалась обидной и несправедливой. С какой это стати тиарологами, биологами и экологами начнут командовать историки цивилизации? Как можно вообще объединить естественные науки с архивными штудиями? Зачем составителям исторических хроник – виварий и лабораторий?

Уиссхаиньщц сумел погасить нараставший ропот, не прибегая к насильственным мерам. Во-первых, после объединения сразу выросли оклады сотрудников, сравнявшись с университетскими ставками. Во-вторых, рутинная жизнь небольшого миаррского института оживилась и стала куда интереснее: туда прихлынули практиканты, лаборатории заработали круглосуточно, заявки на новое современное оборудование выполнялись незамедлительно, диссертации защищались в Межгалактическом университете, и не только магистерские, но и докторские... Наконец, один из ведущих специалистов по минералогии, Эктор Жиро, стал одним из ректоров Тиамуна.

Постепенно все признали, что концепция Уиссхаиньщца оказалась удачной: история Тиатары – это не только рассказы о подвигах первых переселенцев. Все эти подвиги совершались на незнакомой планете, которую приходилось попутно осваивать и изучать. И этот процесс продолжается в настоящее время нашими стараниями и трудами. Поэтому самый разумный путь – совместное исследование планеты как единой системы: космической, природной и социальной. Контакты между учеными разных специальностей необходимы, и комплексные конференции порождают идеи, которые не возникли бы в узком профессиональном кругу. А некоторые специальности изначально подразумевают широкий взгляд на предмет: например, биоэтика, требующая знания и биологии, и экологии, и юриспруденции, и психологии.

Когда директором стала я, никто уже не удивлялся тому, что Институтом истории Тиатары – а стало быть, и биологами, и планетологами, – руководит профессор космолингвистики.

Улиссе наша концепция сразу понравилась. Она позволяла ему быть собой, не втискивая свои дарования в жесткие дисциплинарные рамки. Его не увлекали ни чистое языкознание, ни педагогическая рутина, ни подсчет популяции каких-нибудь рукокрылых уйшу, ни выяснение рациона морских змеящеров, ни сравнительный анализ экосистем – но всё это вместе входило в круг его интересов, и он не желал отказываться ни от чего. В силу возраста он не мог уже стать ни великим космолингвистом, ни, тем более, великим биологом, однако он обладал уникальным опытом и своеобразным стилем мышления.

На приеме присутствовали оба ректора, виссеванец Рамарраихх Ушшвандарр, и предостопочтенное Мину-Минулло-Минулло с Алечуа. Я напомнила Улиссе, что алечуанцы, невзирая на свой мягкий и уютный подушкообразный вид, очень чувствительны к соблюдению принятого у них этикета, и, если он хочет сохранить хорошие отношения с ректором, нужно помнить, что при общении категорически нельзя опускать ни слово «предостопочтенное», ни один из элементов тройного имени. «Дорогая, но вы же сами сдавали мне зачет по ономастике!» – с укоризной ответил Улисс, и тотчас бросился извиняться: «Простите, Юлия. Конечно, сдавали, но только не мне. А Ульвену. У меня опять аберрация памяти. Я – не он. Однако про нравы алечуанцев, конечно, знаю. И не ошибусь, уж будьте спокойны».

Я тихонько подсказывала Улиссе, к кому надлежит подойти и как правильно обратиться, сама же старалась не показывать вида, будто я кем-то руковожу, и вела себя как настоящая светская дама: скользила по залу, со всеми здороваясь, перекидываясь учтивыми фразами на всех языках, знакомила незнакомых, принимала искренние (надеюсь!) комплименты моей наружности (кому-то из плотоядных инопланетных коллег я, возможно, кажусь аппетитной?), хвалила наряды дам (если в их культуре это имело значение)...

Иссоа, Ульвен и Эллаф слегка припозднились: доклад они слушали по трансляции, а после ее окончания не могли прилететь немедленно.

Улисс увидел родных, но не решался мгновенно свернуть беседу с предостопочтенным Минну-Минулло-Минулло. Пока он обменивался с ним учтивыми формулами на алечуанском,

к семье Киофар пошла Вайвенна, почтительно поклонилась императрице и ее супругу, и дружески соприкоснулась руками с принцем Ульвеном. Цвета нарядов Иссоа и Вайвенны составляли яркий, но приятный глазу контраст: винно-пурпурный и глубокий иссиня-зеленый.

Мое длинное платье сливочного оттенка с золотистым шарфом хорошо вписалось в эту изысканную палитру. Я обняла Иссоа и Эллафа, по-матерински поцеловала в щеку Ульвена и спросила, следили ли за трансляцией принц Элвен и принцесса Ниссоа.

– Да, госпожа Хранительница, конечно! По этому случаю мы разрешили им пропустить занятия в школе! – сообщил Ульвен. – Но сюда с собою не взяли. Это было бы слишком, *nicht wahr?*

– Ниссоа упорно просилась с нами, но Элвен, умница, объяснил ей, что в университет детям нельзя, – добавил Эллаф.

– Она скучает по дяде Улиссу? – осведомилась Вайвенна.

– Конечно! Мы все скучаем! – заверил ее Ульвен.

В этот миг Улисс, наконец, освободился из липких пут алечуанского этикета и поспешно приблизился к родственникам: «Дорогая сестра! Милый Эллаф! Драгоценный Ульвен! Прекрасная госпожа Вайвенна!»...

Он выглядел опьяненным успехом и не мог удержаться от горделивого хвастовства: «Вы всё видели? Да? Как я выглядел на экране? Оказывается, я весьма неплохой оратор! Ха, естественно, если долго тренироваться на баадарах, то нетрудно завладеть вниманием и разумной аудиторией!»

– Дядя, вы разговаривали с баадарами? – удивился Ульвен. – А они вообще слышат что-нибудь?

– Разумеется, слышат! И видят! К счастью, охотятся чаще ночью. В это время я мирно спал в своем флаере. Днем они сыты, и перед ними можно выступить хоть с речами, хоть с песнями!

– Брат, неужели ты пел перед этими тварями? – содрогнулась Иссоа.

– Я, скажем так, проводил с ними эксперименты. Изучал, как они реагируют на различные звуки. Воспринимают они только громкость или чувствительны к интонациям. Об этом нужно сделать еще один обстоятельный доклад. Меня уже пригласили в Институт биологии Тиатары!

– Когда? – поинтересовалась я.

– Дату мы согласуем. Надеюсь, моя восхитительная начальница, вы не будете возражать? – обратился Улисс ко мне.

– Нет, не буду. Но, кажется, мы с вами уже разработали план выступлений. Ближайшее – на базе спасателей. Всё-таки вы обязаны им жизнью. И ваш опыт им будет невероятно полезен.

– Конечно, милая Юлия. Похоже, теперь у меня совсем не останется свободного времени.

– Наука требует жертв, дорогой Улисс. График можно перекроить, но учтите: вы теперь нарасхват, и вам придется оправдать ожидания.

Улисса всё это ничуть не пугало и не смущало.

Мне казалось, что воздух над его головой искрился от счастья. Или, может быть, так ощущалось «сюон-вэй-сюон», витавшее между ним и Вайвенной. Я осторожно обменялась взглядом с Иссоа. Она тоже всё поняла. И прикидывала, насколько скоро в их семье появится еще одна «госпожа Киофар».

Седьмое июля

Многочисленные обязанности не позволяли мне присутствовать на всех лекциях и докладах Улисса. Я предоставила ему полную самостоятельность, попросив лишь ставить меня в известность о выступлениях, а после них отсылать мне отчет – можно в форме видеозаписи. Файл транскрибируется автоматически. Ему останется лишь просмотреть готовый текст и внести коррективы.

– А зачем это, Юлия? – попытался отбиться он от формальностей. – Разве устные выступления всех сотрудников Тиамуна непременно записываются и кладутся в архив?

– Ваш случай – особенный, дорогой Улисс. Вы воскресли из небытия, и вдобавок сменили специальность.

– Вовсе нет, я всего лишь овладел нужной терминологией, что для космолингвиста нетрудно! – возразил он.

– Тем не менее, координатор Уиссхаиньщц очень интересуется вашей деятельностью и желал бы иметь эти тексты для ознакомления.

– Он всё ещё подозревает меня в коварных планах?

– Не думаю. Но судьба Тиатары ему вовсе не безразлична. Он много десятилетий работал на планете куратором, и, хотя не способен испытывать наших эмоций, ощущает свою причастность ко всему, что здесь происходит.

– Понятно. Ладно, постараюсь не подвести вас, моя благодетельница и покровительница.

Отзывы очевидцев о лекциях и мастер-классах Улисса варьировались от сдержанно-одобрительных до восторженных. Спасателям он рассказывал, как обустроил свой быт, какие приспособления применял для решения насущных житейских проблем, как ездил с острова на материк, какие опасности подстерегали одинокого странника в зарослях диких мангров, в болотах и в джунглях... Экспедиций в море Сайял после Виктора никто не предпринимал, эту область решили оставить незаселенной, ведь прокладывать туда коммуникации страшно дорого, а вторжение сколько-нибудь значительных сил чревато уничтожением эндемичной флоры и фауны. Опыт Улисса оказался едва ли не идеальным: ему удалось, оставаясь цивилизованным существом, вписаться в природу и вести наблюдения, не особо сильно влияя на жизнь коренных обитателей моря, суши и местных лесов.

Конечно, попади Улисс на остров Ойгон без должного снаряжения, он вряд ли выжил бы там в течение столь долгого времени. Принц Ульвен, укомплектовавший флаер по высшему классу, знал, что делал: он был внуком профессионального спасателя. Хотя дедушку он никогда не видел, в доме семьи Киофар сохранились пособия, по которым Ульвен Киофар Сиовэй учился профессии сам, а потом принимал экзамены у молодежи. Но принц-музыкант не имел походного опыта, его знания ограничивались усвоенной втихомолку теорией. Без личной храбрости, выдержки, воли и изобретательности Улисса никакие полезные инструменты не смогли бы спасти его жизнь и даже сделать ее отчасти комфортной. Он позаботился о маскировке убежища, невидимого ниоткуда, он максимально эффективно использовал тесное пространство флаера, он пристроил подобие крытого двора, оградив его от проникновения крупных хищников, он устроил себе маленькую «загородную резиденцию», как он ее иронически называл – настил между двумя деревьями неподалеку от источника в джунглях, где порой отдыхал, выслеживал дичь или плел веревки и сети из волокнистых стеблей лиан.

«Хитроумный Улисс», – он вполне соответствовал имени, которым Гомер наделил своего героя.

Выступление в Институте биологии Тиатары включало лекцию, семинар с ответами на вопросы и несколько светских мероприятий – знакомство Улисса с лабораториями института, экскурсии на флаере и на катере в дельту

Джумая, обед с коллегами... Осилить такую программу не хватило бы дня. Предполагалась ночевка, которую Институт с удовольствием взялся ему обеспечить.

Воспользовавшись окном в моем плотном графике, я отпустила Улисса в Миарру и решила, наконец, повидаться с родными.

В последнее время мне некогда было слетать в Витанову. Правда, Виктора я видела почти ежедневно, но не как брата, а как своего заместителя по Институту, и говорили мы о делах. Всем прочим близким я ежедневно звонила, однако это не могло заменить теплоты физического соприкосновения и расслабленной обстановки нашего дома-гнезда, где у каждого был свой укромный угол, однако все постоянно толклись на виду друг у друга, перекликаясь, шутя и болтая на нескольких бытовавших у нас языках: немецком, испанском, русском, английском, а последние годы и на португальском... Сезар, друг нашей «чокнутой валькирии», Валерии – бразилец, и хотя отлично владеет английским, испанским, космолингвой и чуть хуже – кучей других языков, очень обрадовался возможности поговорить со мной на своем родном языке. Правда, мое португальское произношение – классическое, не бразильское, а локального сленга я вовсе не знаю, и мы иногда переспрашиваем друг друга.

Вернувшись домой, я нашла там большую компанию. Повидаться со мной собрались почти все мои милые родственники. Не было только Карла с Валерией, улетевших на «Гране». Семейство Цветановых-Флорес (папа, Виктор с Афиной и две их дочки, Фиона и Диана), барон Максимилиан Александр, разросшийся клан Древичей – Лаура с мужем Стефаном, их сыновья Макс и Юлий, мама Стефана – моя восхитительная подруга, космопсихолог Камелия Древич с сэром Колином Маклеодом (дедушкой нашей Афины)... Сезар тоже явился, привезя с собой Антона Карла – сына Валерии. Мальчик учится в школе при Тиамуне, а живет в профессорской резиденции с Сезаром, который считает его приемным сыном и радуется, когда тот зовет его «папой». Настоящий родитель Антона Карла – наш бывший сосед, доктор Тадди Уайтфилд-Маккизи – с сыном видится редко, у него другая семья, он работает директором медицинского центра и почти не бывает у родителей, Мери и Джона.

«Доченька!»... «Мама!»... «Abuelita!»... «Liebe Julia!»

На меня набросились любящие родственники всех возрастов, темпераментов и мастей, захлеб поздравлявшие меня на нескольких языках.

Я даже не поняла, по какому поводу столько восторгов.

«Юленька, ну ты совсем заработалась!» – ласково упрекнул меня папа и напомнил: «По земному календарю сегодня – седьмое июля!»

Ах, да. День рождения. На Тиатаре это – условность, тут другая продолжительность года и суток, другой календарь, и седьмое июля непринужденно плавает по здешним месяцам, останавливаясь, где ему заблагорассудится. В моем возрасте отмечать день рождения, радуясь каждому прожитому году, либо уже слишком поздно (я давно не ребенок, торопящийся сделаться взрослым!), либо пока еще рано (после восьмидесяти, наверное, снова станет уместно).

«Ой! Спасибо, что не забыли!» – поблагодарила я, переобнимав и перецеловав всех собравшихся.

По случаю прекрасной погоды столы накрыли на свежем воздухе. Никакой чинной трапезы с сакральными ритуалами, мы же не уйлоанцы! Правда, нас с папой усадили на почетные места под развесистой мараджикой, притащив из гостиной удобные мягкие кресла. А все остальные довольствовались складными стульями, табуретками, надувными пуфиками или собственными ногами: можно было брать еду и напитки с подносов, наполняя тарелки по мере надобности, и свободно располагаться, где кому нравится.

Папа поднял тост в мою честь, назвав меня невероятным подарком судьбы, своей радостью, гордостью и опорой (да не обидится Виктор! Но брат не обиделся, он привык, что я – старшая, и всегда пробиваю дорогу для прочих).

Строгого порядка в тостах не предполагалось, периодически кто-то что-то произносил, дети даже устроили маленький самодельный концерт, исполнив под руководством Сезара самбу с припевом «Аллилуйя, Юлия!». Сезар великолепно поет – у него настоящий оперный баритон! – и виртуозно владеет гитарой, которую привез с Арпадана, где работал до приглашения в Тиамун.

Опасаясь, что звонкие вопли четырех веселых подростков и лихие аккорды гитары Сезара вызовут недовольство соседей, я кинула взгляд за ограду. У нас на улицу обращен не глухой забор, а густая живая изгородь, в которую встроена кованая калитка.

За узорной решеткой застенчиво притаилась девочка, смотревшая на наш веселый бедлам с любопытством и тихой завистью.

Это была Мариассоль Кан-Жиро, дочь профессора Лори Кан и ее супруга, профессора Альфреда Жиро. Они жили наискосок от нас, на углу ближайшего перекрестка. Мои отношения с Лори Кан – очень давние и непростые. Уважение – да, дружба – нет. Я когда-то училась у Лори, а потом она попыталась сорвать защиту моей магистерской, фактически обвинив меня в плагиате – вернее, в том, что я написала текст под диктовку научного руководителя. Ульвен объяснил мне в весьма доверительном разговоре, что Лори отчаянно ревновала меня к нему (у них в ранней юности был неудачный роман!) и считала «магистра Цветанову-Флорес» его креатурой и бледной посредственностью. Сильно спорить не буду: ученый я – так себе, предпочитаю не строить мудреных концепций, довольствуюсь прагматическими материями. Однако мой профессионализм – вне сомнений. Как переводчик-синхронист я долгое время считалась вне конкуренции (сейчас не рискну состязаться с молодежью: давно не практиковалась). В педагогике мне удалось внедрить собственный метод. Мысли, приемы, стиль изложения в моих опубликованных текстах – оригинальные, их не спутаешь с незабвенной манерой Ульвена...

Ладно, я отвлеклась.

«Мариассоль! – окликнула я. – Будь добра, заходи! Открыто! У нас вечеринка в честь моего дня рождения!»

Девочка нерешительно проскользнула во двор и, кажется, пробормотала что-то насчет мамы и папы, которые начнут беспокоиться... Но соблазн оказался слишком велик.

Мариассоль – позднее и единственное дитя, появившееся на свет в искусственной биоматке. Из-за почтенного возраста Лори была не в состоянии выносить дочку сама. Первого ребенка они потеряли почти накануне родов, и Лори уже тогда была не вполне молода. Вероятно, она боялась, что Альф, который младше жены на одиннадцать лет, со временем бросит ее, если она состарится, а детей у них так и не будет. Однако честолюбивая Лори сначала работала ректором Тиамуна, затем добилась избрания на эту должность Альфа, и лишь после этого занялась решением репродуктивных проблем.

Супруги страшно тряслись над столь трудно доставшейся дочкой, никуда ее не пускали, не позволяли безнадзорно слоняться по улице и дружить с кем попало... Но Мариассоль уже не малолетний ребенок, а подросток. Тоненькая, грациозная, черноглазая, волосы – каштановые с рыжиной. Альф – блондин, почти альбинос, а у Лори в роду кого только не было, включая китайцев, японцев и итальянцев...

«Позвони своей маме, – предложила я. – Или, лучше, я сама позвоню».

Набрав код Лори, я первым делом осведомилась, не мешает ли ей шум из нашего сада. «Нет, – сказала она. – Мои окна выходят во двор, там почти ничего не слышно». Я вежливо пригласила ее и Альфа присоединиться к празднику, но Альф занимался с магистрантами в Тиамуне, а Лори, якобы, страдала мигренью – потому она и разрешила Мариассоль прогу-

ляться одной вдоль по улице, от сквера с фонтаном на перекрестке до выхода на набережную Виссаны, где есть обзорная площадка и киоск с тагманскими лакомствами.

Я клятвенно обещала, что мы проводим Мариассоль до двери их дома, и Лори милостиво согласилась: «Да, пусть немного повеселится».

Танцы, затеянные неутомимым Сезаром, достигли почти карнавального буйства. Дети вертелись и прыгали, гримасничая и чуть ли не кувыряясь. Пары сложились сами собой: Фиона и Диана – с Максом и Юлием, Антон Карл – с Мариассоль... Наш барончик, похоже, старался понравиться хрупкой соседке и держался не столь отвязно, как его младшие родственники.

Допив бокал, я вдруг вспомнила: надо бы позвонить Улиссу, спросить, гладко ли прошло его нынешнее выступление. Делать это среди царившего на лужайке гама, визга и зажигательной музыки мне не хотелось.

Извинившись перед гостями, я встала и бочком пробралась в дом. Внутри было на удивление тихо.

– Дорогой Улисс, – произнесла я, когда он откликнулся. – Извините, я ненадолго. Захотелось узнать, хорошо ли вас приняли.

– Моя заботливая попечительница, всё превосходно, завтра я проведу семинар.

– Рада за вас. Отдыхайте! Вы удобно устроились?...

В этот миг до моего слуха донеслись детские крики. Я сперва подумала, это расшумелись сестрички Цветановы-Флорес и братья Древичи, но нет, голоса малышей раздавались на том конце.

– Я в гостях у госпожи Вайвенны Сеннай, – сообщил Улисс, сбавив голос. – У нее очаровательные близнецы. Они недовольны, что я прервал рассказ о моих приключениях.

– Ну, не смею мешать вам! Приятного вечера, дорогой Улисс, передайте мой привет госпоже Вайвенне.

Роман разворачивался невероятно стремительно.

Вряд ли можно было усомниться в том, что Вайвенна сумеет задержать его после семейного ужина: поговорить по душам без помех, когда мальчики лягут спать. А потом... Вайвенна – красивая, умная, зрелая женщина, изголодавшаяся по мужчине... Улисс сильно старше ее, но он – герой, знаменитость, звезда Тиамуна, и он – из семьи Киофар...

Какое мне, в сущности, дело до их отношений? Пусть будут счастливы. Оба этого заслужили.

Я собиралась закрыть кабинет и вернуться во двор, но передо мной вдруг встал Сезар: «Дона Жулия, можно вас на несколько слов?»

Пришлось вновь занять мое кресло: «Пожалуйста, Сезар. Устраивайтесь. Здесь нас никто не услышит».

Он уселся напротив. Мускулистый гигант шоколадного цвета, который недавно резвился с нашими малышами, смущенно проговорил:

– Мне неловко, дона Жулия, отвлекать вас в такой замечательный день. Но прийти к вам по частному делу в Институт я стесняюсь. Вы всегда заняты, у вас нет свободной минуты.

– Сезар, вы поссорились с Валли?

– Нет, что вы! Напротив! Вернее, да, немного поссорились, но потому, что я уговаривал ее выйти за меня, наконец-то замуж, а она рассердилась и улетела, даже не попрощавшись! Дона Жулия, вы ведь можете повлиять на нее? Объясните ей, что семья – это важно! Важнее карьеры!

– Я бы рада, Сезар, но Валерия с детства была непокорной. И ни с кем не советовалась, принимая решения. Захотела родить – родила в шестнадцать, захотела летать – полетела. Даже Карл не смог ее отговорить. Либо ты ее любишь такую, как есть, либо...

– Терять ее я не хочу, дона Жулия! Антонио Карлос привык ко мне, я готов его усыновить, я не прочь завести и других детишек, хотя бы еще одного...

– Милый Сезар, я тут бессильна. Заставить ее поступать, как нам нравится, не выйдет ни у кого.

– Ладно, я... Но ведь – сын! Неужели он ей не дороже всех этих железок, напичканных электроникой?

– Космос манит и не отпускает своих избранников. Я это знаю. Мой муж – такой же. Мы договорились когда-то, что я принимаю его целиком. И он меня. Вместе с профессией.

– Ну... попробую еще раз.

– Конечно, попробуй, – сказала я доверительно, перейдя на материнское «ты». – Только не дави на нее, Сезар. Тогда она непременно начнет сопротивляться. Пусть созреет до мысли о браке сама. Если только у тебя хватит терпения ждать. Не хватит – пойму. Валли бывает невыносима.

– С ней никогда не скучно, дона Жулия. Немецкая баронесса, суровый пилот, а внутри – фейерверк и фиеста!

– Сезар, не забывай, она немка – лишь по отцу. Ее бабушка – мексиканка. А дедушка – русский. Мы все немного безбашенные.

– Вы очень, очень мне нравитесь! Вся семья!

– Ты нам тоже, Сезар! Как бы ни сложились твои отношения с Валли, ты уже – член нашего клана!

– Спасибо вам, дона Жулия!

Мы вернулись в компанию. Танцы сами собой прекратились, Афина поставила фоном совсем негромкую, мягкую, ненавязчивую композицию (одно из электронных творений Ульвена, специально созданное для уютных дружеских посиделок). Все с удвоенным аппетитом ели, пили коктейли и соки, болтали, разбившись на группки и парочки... Витанову накрыли сумерки, и на кустах, фонарях и на лестнице дома зажглись разноцветные гирлянды.

Рядом с Камелией и сэром Колином я обнаружила новую гостью.

Пришла Лори Кан. То ли решила взглянуть, не слишком ли разрезвилась Мариассоль, то ли самой захотелось побыть в компании и поздравить меня с днем рождения.

Она была одета в глухое бордовое платье-халат с черным поясом, а голову обмотала лиловым шарфом, похожим на восточный тюрбан. Интересно, какого цвета под этим тюрбаном были кудрявые волосы Лори? Она всегда выбирала самые экстравагантные краски, включая зеленую, синюю, алую или оранжевую.

Пристальней приглядевшись к ней, я слегка ужаснулась. Даже в тусклом вечернем свете и при мерцающем освещении наших гирлянд и настольных светильников было ясно, что Лори, скорее всего, нездорова. Прежнее миниатюрное изящество превратилось в истощенную худобу. Кожа, несмотря на косметику, землистого тона. И... есть ли вообще под тюрбаном волосы?..

Лори... настолько серьезно больна?.. Задавать ей прямые вопросы было бы крайней бестактностью. Медицина на Тиатаре прекрасная, и уж если врачи смогли лишь замедлить прогресс болезни, а не справиться с ней окончательно, то, вероятно, доступные средства исчерпаны. Отнюдь не все виды рака успешно лечатся, особенно, если пациент чересчур затянул с обследованием.

– У вас чудесная дочь, – похвалила я Мариассоль, ничуть не кривя душой.

– Спасибо, Юлия, – тотчас откликнулась Лори. – Она – наше счастье.

– Где она учится? Кем хочет быть?

– Учится в здешней школе. Склонна к гуманитарным наукам, но, к сожалению, не к космолингвистике. Мы с Альфом намерены отдать ее в школу при Тиамуне.

– Придется летать каждый день. Не слишком ли утомительно?

– При школе есть пансион, – напомнила Лори. – А ваш внук, Антон Карл, разве не там?
– Он живет вместе с Сезаром, в профессорском доме. На занятия Сезар возит его в электрокаре, а обратно внук ходит пешком. Прогуляться полезно.

– Вам не боязно отпустить его одного?

– Нисколько! Он уже старшеклассник. Вся территория кампуса, как вы знаете, монитрится камерами, хоть охрана не лезет в глаза. Студенты, конечно, шалят, но их выходки безобидны. То раскрасят скульптурную инсталляцию, то залезут на крышу, то запустят в ректорат самодельного робота-сквернослова.

– Да, мы тоже порой развлекались, – вздохнула она.

– В юности нужно веселиться и радоваться, – заметила я. – Чересчур серьезные дети – это не очень нормально.

– Спасибо, что пригласили Мариассоль.

– Пусть заходит, когда пожелает, у нас обычно кто-нибудь дома. Даже странно, что мы живем по соседству, а общаемся редко.

Лори слабо пожала мне руку. Похоже, она искала для дочери новых друзей, новой жизни, новых возможностей. Я ободряюще ей улыбнулась.

Под занавес мне преподнесли еще один, несказанно приятный, сюрприз.

Поздравить меня прилетел принц Ульвен. Он теперь часто навещается в Тиамун, где по его инициативе всё-таки создали музыкальную студию. Посвятить себя целиком преподаванию он не может, иначе пришлось бы пожертвовать творчеством и выступлениями. Но у него уже появились ученики, и наш «уйлоанский Моцарт» с удовольствием пестует инопланетных собратьев, репетирует с ними и устраивает в Тиамуне концерты. Уйлоанцы, люди, птероиды, небольшой тагманский оркестр из ударных – и сам Ульвен с его скрипкой, гитарой, флейтой, кото и электроникой, восполняющей нехватку других инструментов.

Поющий, играющий и танцующий принц никого больше не удивляет. Все привыкли, что он – такой, и другим быть не может.

– Госпожа Хранительница, вы мне – словно вторая мать! – произнес Ульвен, поднимая бокал. – Я люблю вас, люблю всю вашу семью, люблю ваш дом! Будьте счастливы!

Он привез мне подарок: новую песню, которую тут же сам исполнил дуэтом с Афиной, аккомпанируя себе на гитаре и электронике с заранее записанным сложным многоголосным фоном. В этом фоне мой слух уловил смутные обрывки старинных русских мелодий, наложенных на мексиканские ритмы и облеченные в уйлоанские звучности... Смесь совершенно невероятная, но удивительно органичная.

Потом он сыграл кое-что попроще, в тагманском ритмичном стиле, и молодняк опять принялся танцевать.

Лори, мне показалось, мечтала уйти домой и прилечь. Но прерывать наш праздник ей не хотелось.

Пришлось мне самой намекнуть Ульвену, что время позднее, детям пора бы утомиться и разойтись по кроваткам. Он послушно закончил импровизированный концерт и признался: «Госпожа Хранительница, а вы не сочли бы слишком наглой просьбу остаться у вас? Я ведь выпил вина, и теперь обязан нанять водителя флаера, а мне неохота. И вообще я устал». – «Да, конечно, Ульвен! Свободная комната есть, рядом с папиной, только там немного не прибрано». – «Не беда, я же буду спать, а не изучать ваш космический хаос!» – «Хорошо, мой милый. Мы всегда тебе рады. Виктор, дашь Ульвену постель?»..

Ситуация, вполне естественная для нашей семьи, казалась немыслимой для Лори и Мариассоль. Мать и дочь удивленно переглянулись. Терпимость к инопланетянам и постоянное с ними сотрудничество – главнейший закон Тиатары. Но моя почти родственная близость к семье Киофар – скорее исключение, нежели правило. Лори и Альф никогда не приглашали в

гости коллег-инопланетян, и в их дом никогда бы не попросился на ночлег уйлоанский принц, перебравший вина на семейном празднике.

Я так устала, что еле добрела до собственной спальни. Перед тем, как рухнуть в сон, успела подумать о муже и дочери. Пожелать им спокойного полета и благополучного возвращения. А потом – спать, спать, спать.

День рождения удался. Хотя тоже вышел рабочим.

Требования

Координатор Уиссхаиньщц действительно обещал в скором времени прилететь – побеседовать со мной лично. Несмотря на всю техническую оснащенность Межгалактического альянса, сделать это немедленно можно было бы только в случае чрезвычайных событий. Тогда не считались с затратами и посылали один или несколько кораблей в любой сегмент вселенной. Ведь вселенная имеет ячеистую структуру, и примерно так же устроен Альянс. Базы и административные центры разного уровня располагаются в важных узлах. Сетевая организация сил Альянса позволяет действовать быстро и эффективно, но потом за все операции придется отчитываться. Это лишь издали кажется, будто СОКОР – Совет Координаторов – орган сугубо декоративный, поскольку у него нет ни конкретного места собраний, ни расписания сессий, ни постоянного состава. Однако в каждом мире все действия сил Альянса отслеживают специально назначенные технократы и бюрократы, вооруженные суперкомпьютерами с искусственным интеллектом. А потом эти аудиторы, ревизоры и контролеры рассылают запросы о правомерности или законности тех или иных операций, финансируемых из общего фонда.

Я предпочла бы совсем не вникать в принцип действия механизмов Альянса. Задачи Хранительницы гораздо скромней, и мне их по горло хватает. Просто я объясняю, почему даже всемогущие айсяне не порхают между подведомственными мирами, как им заблагорассудится.

Тем временем ко мне на прием явился Улисс.

Мы поговорили о его выступлениях. Я посоветовала ему немного убавить их интенсивность и переключиться на письменные жанры: «Вы можете взять за основу расшифровки ваших отчетов. Отшлифовать стилистику, добавить ссылки на литературу – и статьи, по сути, готовы».

– А много ли я на них заработаю? —спросил вдруг он.

Я изумилась:

– Разве вы недовольны вашими нынешними доходами? У вас, смею напомнить, высокий оклад, а вдобавок все лекции и семинары, проводимые вне Института, оплачиваются организаторами дополнительно. Гонорары, по-моему, очень достойные. Или вы еще не разобрались со своими счетами?

– Милая Юлия, я безмерно вам благодарен за бескорыстную помощь, но, кажется, соблазняя меня поступить к вам на службу, вы сулили мне скорое обогащение? Между высоким окладом и настоящим богатством, согласитесь, разница есть.

– Вы работаете совсем недолго, дорогой Улисс. За такое время карьеры не делаются. Самые весомые гонорары поступают от публикации книг и статей, получающих межгалактический статус. Именно к этому я вас сейчас призываю. Когда некий текст попадает во все инфоцентры Межгалактического совета по научным связям разумных миров, за него автоматически начисляются роялти, и они растут по мере распространения ваших идей.

– Понятно, моя искушеннейшая наставница. Хорошо, я займусь статьями. А перевод «Одиссеи» – он принесет еще больше денег, чем статьи?

– Конечно, Улисс. Уникальный масштабный проект оплачивается по наивысшей ставке. Я забыла заранее предупредить, что сама на гонорар не претендую. Помогать вам я собираюсь только из творческого интереса.

– Тогда давайте займемся Гомером. Я готов подстроиться под ваш насыщенный график. Могу приходить сюда, или, если вам больше понравится, с радостью приму вас у себя в профессорской резиденции. Главное, чтобы дело двигалось без задержек.

– Дорогой Улисс, позвольте спросить: откуда в вас такой всплеск меркантильности? Раньше вы вообще почти не говорили о деньгах.

– Говорили – вы, моя Юлия! Я ловлю вас на слове, потому что мне это вовсе не безразлично. Деньги мне сейчас очень нужны. Просто жалованья – недостаточно.

Выдержав паузу и уставившись на меня всеми тремя глазами, он произнес совсем другим тоном, не столь наступательным, а скорее смущенным:

– Юлия, я намерен жениться.

– На Вайвенне Сеннай?

– Да. От вас ничего не скроешь.

– Достойный выбор!

– Она восхитительна! А ведь мне казалось, что после моей незабвенной Илассиа я не смогу полюбить другую женщину.

– Не скромничайте. Я заметила, как вы посматривали на Оллаю.

– Ещё бы! Девочка так похожа на мать. Просто копия. Я дивился и любовался на это невероятное чудо. Но, клянусь, между нею и мной ничего быть не может. Для Оллаи я слишком стар, и вдобавок ее брат Лаон, наверное, всё ещё ненавидит меня... Если Оллая сумеет перебороть неприязнь ко мне, мое сердце утешится: я позволю себе надеяться, что Илассиа меня великодушно простила. Большого я не хочу. У этой девочки, полагаю, впереди блестящее будущее, только мне рядом с ней делать нечего. А Вайвенна – совсем другая. Живая, приветливая, любезная...

– Вы ей тоже сразу понравились.

– Да, она мне призналась, что старалась не пропускать ни одного из моих выступлений. Даже на базу к спасателям ухитрилась пробиться, сделав благотворительный взнос и получив право посетить их собрание. А в Миарре просто завладела мной, уведя с приема в Институте – показать свой дом, который находится, как вы знаете, по соседству... Окружила заботой и лаской, угостила, очаровала и... не отпустила. Ну, я там и остался на все два дня.

– Значит, вы сделали ей предложение?

– Скорее, она мне. Я не решился бы так стремительно обзаводиться семьей, не имея даже собственного пристанища, кроме маленькой казенной квартиры. Но Вайвенна не хочет ждать, пока я постепенно разбогатею и построю собственный дом. Зачем, если у нее – большой особняк?.. Мы, простите за такие подробности, провели две ночи вместе и вполне убедились, что прекрасно подходим друг другу. Во всех отношениях. Между нами всё решено. Она первая спросила, хочу ли я взять ее в жены. «Могу ли я не хотеть?» – изумился я. Если дело лишь в наших взаимных желаниях, можно зарегистрировать брак хоть сейчас! А свадебную церемонию у очага устроить потом, не спеша. Тогда Вайвенна объяснила мне ситуацию с завещанием господина Иллио Сенная и с ролью ее отца в этом деле. «Улисс, мой любимый, – сказала она, – я, конечно, могу выйти замуж, не спрашивая разрешения у отца: у меня есть собственный доход, я имею право жить в нашем доме, доколе мне будет угодно, но... лучше всё-таки проявить уважение к тому, от кого зависит судьба моих сыновей». Как я понял из ее разъяснений, господин Вайлен Кеннай после нашего брака станет опекуном близнецов. Он даже вправе забрать их к себе, разлучив с Вайвенной, если ее новый муж ему не понравится. Разумеется, она по доброй воле детей не отдаст.

– А вы согласны их воспитывать?

– Я не против! Мальчики славные, они входят в тот возраст, когда им становится нужен отец – неважно, родной или приемный. Вы же знаете, Юлия, к детям я питаю особые чувства. И мне кажется, я уже покорила их сердца!

– Вы говорили с господином Вайленом?

– Да, моя Юлия. Чтобы сплетни не прилетели в Тиамун прежде нас, мы на следующий же день явились в Музей Уйлоа.

– И Вайлен, конечно, заставил вас ждать.

– Он – директор, и он на работе, тут ничего удивительного. Мы погуляли по кампусу и пришли в назначенный час.

– Как он воспринял новость?

– Без восторга, Юлия. И намекнул, что, не будь моя фамилия Киофар, он не дал бы согласия на брак дочери с мужчиной намного старше ее, и к тому же не имеющего доходов, кроме жалования рядового сотрудника Тиамуна. Когда я посмел возмутиться, он объяснил, что в глазах всего общества такой брак показался бы неравным и скоропалительным – опять же, повторил он, не носи я фамилию Киофар. Вайвенна несколько резковато ответила, что первый ее супруг годился ей, восемнадцатилетней, в дедушки, и это тогда никого не смущало. «Да, но господин Иллио был очень богат, – напомнил господин Кеннай. – И он обеспечил тебя на всю жизнь, честно выполнив брачный контракт».

– И вовремя умерев, – не преминула съехидничать я.

– Не хочу говорить плохого про господина Иллио Сенная, – мягко заметил Улисс, – но не представляю себе, как бы мы сейчас вывернулись из создавшегося положения, будь он жив... Мне осталось лишь заверить будущего тестя, что я тоже намерен скоро разбогатеть, и вовсе не собираюсь жить на средства жены.

– Так Вайлен дал согласие? – спросила я.

– Нехотя – дал. Разговор оказался нелегким и вовсе не радостным. Ведь Вайвенна сразу выдвинула условие: близнецы останутся с нами. Иначе она устроит скандал и привлечет к разбирательству императрицу, Планетарный совет и чуть ли не экспертов Межгалактического альянса! Он сдался.

– А зачем Вайлену двое семилетних озорников? С ними столько хлопот!

– Прояви Вайвенна малейшую слабость, он забрал бы их просто из принципа. Или чтобы наказать ее за самовольство.

– Но с семьей Киофар шутки плохи, – вновь усмехнулась я. – И уж тем более – с Планетарным советом.

– Да, поссориться сразу со всеми господин Вайлен не отважится. Моя дорогая сестра предпочитает действовать мягкими увещеваниями, но она – постоянный член Совета, и ее влияние в обществе очень значительно. Не только среди уйлоанцев.

– Иссоа знает о ваших намерениях?

– Мы связались с нею сразу, едва только вышли из Музея Уйлоа и добрались до моей квартиры.

– И как восприняла новость Иссоа?

– Весьма благосклонно. Обрадовалась, но не удивилась. Она ждала чего-то подобного. Ей тоже кажется, что мы с Вайвенной – прекрасная пара.

– Вы уже назначили дату свадьбы?

– Иссоа настаивает на полном цикле обрядов, а это требует подготовки, вы знаете. Обручение при родных состоится в Миарре, на днях, а брачная церемония у очага – в Тиастелле, попозже. Вы, конечно, желаннейший гость на обоих празднествах, милая Юлия.

– С удовольствием разделю вашу радость, дорогой Улисс.

– Так что с моими доходами? – вернулся он к начальной теме беседы. – Я могу надеяться на их скорейшее увеличение?

После всех объяснений я больше не воспринимала настойчивые расспросы Улисса как проявление корыстолюбия. Пока он вел одинокую жизнь, его устраивали предложенные условия, обычные для приглашенного профессора Тиамуна. Но после свадьбы Улисс, разумеется, переедет к Вайвенне, и ему явно не по душе роль мужчины, которого всецело содержит богатая женщина.

– Давайте сначала издадим ваш первый доклад, – предложила я. —Сделайте из него маленькую монографию либо большую статью. Это выйдет быстрее, чем публикация «Одис-

сеи», и потребует от вас куда меньших усилий. Не обещаю, что вы прямо завтра окажетесь в ряду богачей, но доход возрастет ощутимо. На свадебные подарки невесте хватит.

– Ваши советы бесценны, моя дорогая наставница! А когда мы всё же займемся Гомером?

– Хотите, начнем сегодня? По окончании моего рабочего дня. Либо здесь, либо...

– Буду счастлив принять вас в своем холостяцком убежище!

– Только на общей лоджии, друг мой. На виду у соседей.

– Бойтесь, в кабинете я начну соблазнять вас?

– Нет, Улисс. Не боюсь. Но мой учитель внушил мне правила уйлоанского этикета, и я им неукоснительно следую. Так пристойнее и безопаснее для репутации. И моей, и вашей. Я не хотела бы подавать кому-либо повод для сплетен.

– По-моему, с этой архаикой пора бы покончить!

– В ней есть свой смысл, Улисс. Добрую славу утратить легко, а вернуть почти невозможно.

– Хорошо, дорогая. На вашу незапятнанность я покушаться не буду, но вы уж, пожалуйста, не судите меня слишком строго.

Подъезжая вечером на электрокаре к профессорской резиденции, я увидела выходящую из дома Вайвенну. Она меня не заметила. Выглядела она как опьяненная счастьем женщина, только что трепетавшая в объятиях любящего мужчины. Вайвенна шла, слегка пританцовывая, словно бы собираясь вспорхнуть и лететь к себе в Миарру по воздуху безо всякого флаера, на попутном ветре, ощущая себя одновременно опустошенной любовными играми и переполненной легкой радостью долгожданной взаимности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.